

Ольга Громыко

Ведьмины байки

**Когда работа не волк, а вурдалак,
справиться с ней может только ведьма,
да не простая, а В. Редная!**

Ольга Николаевна Громько
Ведьмины байки
Серия «Белорийский цикл», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119059

*Громько О. Ведьмины байки. Сказка – ложь, узнайте правду!: Альфа-книга; Москва; 2014
ISBN 978-5-9922-0475-9*

Аннотация

Связываться с женщинами – себе дороже! Особенно если это дипломированная ведьма, разъезжающая по белоруским лесам и весям в поисках работы, а пуще того – приключений. Но и от Василисы Премудрой ничего хорошего ждать нельзя! И будь ты хоть сам Кощей, брать ее в жены категорически не рекомендуется, иначе горько пожалеешь о своем бессмертии! В общем, спасайтесь, кто может! В противном случае вы рискуете умереть... от смеха

Содержание

Цикл «Ведьмины байки»	4
Пивовой	4
Хозяин	36
Умысел и домысел	80
Рой	120
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Ольга Громыко

Ведьмины байки

Цикл «Ведьмины байки»

Пивовой

Над полуденным лугом тягуче разливался приторный аромат белого клевера. Небо, затянутое неторопливо плывущими облаками, изредка проблескивало солнечным лучом, бегущим наперегонки с тенью. Гроза прошла стороной, сверкнув молниями на горизонте и рыкнув громом на присмиривших птиц. О ее несостоявшемся визите напоминал лишь неестественно сильный и терпкий запах обманутых в ожиданиях луговых цветов, истомленных многодневным зноем.

Растянувшись во весь рост на теплой земле, заслонив лицо рукой и закрыв глаза, я нежилась посреди клеверного озера локтях в сорока от проезжего тракта. По ту сторону дороги клевер слился в единый ковер с редким вкраплением метелок тысячелистника – идеальный привал для усталой путницы, но там паслись чьи-то коровы, позвякивая бубенцами на шеях. Я ничего не имела против соседства пары-тройки коров, но не знала, как отнесется к моим ры-

жим волосам могучий черный бык, возглавлявший маленькое стадо.

Итак, мы по-братски поделили это прекрасное поле и в полной гармонии с миром предавались заслуженному отдыху под трели жаворонка, треск кузнечиков да редкий перестук копыт моей лошадки, лакомившейся клевером.

Тракт безмолвствовал. Оно и понятно: начало лета – время неторговое, труженик полей и пашен трудолюбиво полет и пашет, а то и просто лежит в теньке, потягивая квасок из берестяного жбана и сетуя: «Когда же наконец закончится эта треклятая жара!», а купец отлично понимает, что до сбора урожая с селянина и медяка не получишь, кроме как в долг.

Впрочем, тракт был наезженный, поэтому, когда вдали послышался скрип колес, я ничуть не удивилась, только удобнее уюстилась на спине.

Скрип приблизился, поравнялся со мной, немного удалился и прервался громким «тпру!» и возмущенным фырканием лошади.

Я поморщилась, когда поняла, что обутые в лапти ноги перемещают владельца по направлению ко мне.

Подойдя локтей на семь, селянин в нерешительности остановился, переминаясь с ноги на ногу и теребя кнут.

«Чтоб ты провалился!» – с досадой подумала я, ноне стала подкреплять мысль соответствующим заклинанием.

Селянин деликатно закашлялся.

– Ну? – мрачно и неприязненно спросила я, не дожидаясь, пока кашель перейдет в последнюю стадию бронхита.

– Госпожа вед... э-э-э... волшебница!

– Ну?

Селянин сообразил, что я не собираюсь открывать глаза без веской причины, каковой он, безусловно, не является.

– Дело есть, – без околичностей брякнул он.

– Ну и занимайся им, – невежливо буркнула я в ответ. – Чего тебе, мужик, надобно? Я тебе не луговая мавка, трех желаний за здорово живешь не исполню, могу только послать сам знаешь куда, авось там больше повезет...

Селянин, как ни странно, не обиделся, а как-то подозрительно оживился.

– А ежели оделю по справедливости? – с надеждой спросил он, подступая поближе.

– Эх-хаха-х... – презрительно вздохнула-зевнула я, ибо денежный селянин летом – все равно что комар зимой. – Прошлогодней картошкой и квашеной капустой не беру. Кабачки тоже не предлагайте. Не уважаю натуральный обмен.

– Почему картошкой? – как-то даже обиделся селянин. – Деньгами!

Моя память хранила тысячи заклинаний, но самым эффективным из них было, есть и будет слово «деньги». Оно воскрешает мертвых, исцеляет живых и является сильнейшим противоядием категорическому «нет». Я убрала руку со лба, приоткрыла и скосила на селянина левый глаз.

Против ожидания одет мужичок был хорошо, даже щегольски – новая красная рубаха в зеленые горохи, зеленые узорчатые шаровары без единой заплаты, белоснежные обмотки и совсем новые крепкие лапти. И это в рабочий-то день! На купца вроде не похож, для сборщика налогов слишком физиономия добродушная. Н-да, загадка.

Я села и, обхватив руками колени, выжидающе уставилась на мужика:

– Три вопроса: какая работа и какие деньги?

– А третий вопрос? – робко заикнулся селянин.

– С чего ты взял, что я ведьма? – Слово «волшебница» не нравилось мне самой.

– Дык... это... – Мужичок потупил глаза. – Вид у вас, госпожа, уж больно чародейский – волос рыжий, амулеты всяческие, коняка эвон какая противная, пакость несусветная, храни меня боги...

Смолка подняла голову и прожгла селянина немигающим взглядом желтых змеиных глаз с вертикальными зрачками.

– А пуще того, – осмелел мужик, – видел племяш мой, Гринька, как ваше чародейское высочество заклятиями страшными тучу грозовую вместе с молоньями на запад повернуло.

– Так ты что, претензии предъявлять собрался? – нахмурилась я.

– Да нет, – торопливо поправился мужик. – Нам-то что... мы на земле не сидим, нам до дождя дела никакого нетути,

пушай себе идет стороной, так оно даже спокойнее – не ровен час, шальная молонья в заводик шибанет.

Селянин, которому в разгар летнего зноя помешал бы дождик? Это что-то новенькое.

– Вам – это кому? – спросила я.

– Ну, варокчанам, – несколько удивленно пояснил селянин, как будто я спросила нечто известное даже пятилетнему ребенку. – Село наше Варокча зовется, слышали, может?

– А, так это вы то самое пиво варите? – сообразила я. Тогда ясно, откуда у него деньги. – Ну и что?

– Как – что? – оторопел селянин.

– Что тебе от меня надо? – терпеливо напомнила я. – И какая мне с этого будет выгода?

– А... это... – Селянин поскреб макушку. – Дело есть...

– Какое?!

– Ну дело... Леший его знает какое...

– Вот проконсультируетесь с ним – тогда и обращайтесь. – Вырванная из объятий сладкой дремоты, я раздражалась по любому пустяку.

– Дык где ж нам без вас разобраться! – взмолился селянин. – Ну госпожа ведьма, поехали со мной! Что вам, сложно? Тут недалече! Вон она, деревенька, за тем леском виднеется!

– Вот еще, – презрительно фыркнула я. – Пока не объясните, в чем дело, с места не стронусь.

– Да чего там объяснять, глядеть надобно! – убежденно

заявил мужик.

– Ну хоть примерно скажите, а? – Мне уже самой стало любопытно. – Сосед по ночам на луну воет? На кладбище беспокойно? Заболел кто? Пропал? Или просто на девицу-красавицу неприступную глаз положил? Тут уж, извини, как положил, так и снимать будешь. Приворотным зельем не торгую. Отворотным – тоже. Могу предложить средство для выведения прыщей.

– Шкодник в цеху завелся, – буркнул мужик. – А что, кто – леший его знает. Потому и глядеть надыть, а не рассусоливать за глаза.

Я уже проснулась, пришла в свое нормальное благодушное состояние и пропустила мимо ушей грубоватое замечание собеседника.

– Вот с этого и надо было начинать. Ладно, поехали. Гляну на вашего шкодника.

Бородатое лицо селянина расплылось в щербатой улыбке, он торопливо сунул кнутовище под мышку и подал мне руку, помогая подняться с земли.

* * *

Приторный, кисловатый запах пивного сула висел над деревней, как дыхание зеленого змия, чье изображение украшало вывеску над пивной. Невдалеке весело дымил трубой заводик.

Селянин, которого, как выяснилось по дороге, звали Бровыкой, притормозил у входа и суетливо обежал телегу, чтобы помочь мне перелезть через обрешетку.

Оставив телегу и Смолку на попечение заспанного мальчишки-конюшего, мы вошли в пивную, по причине раннего времени не обремененную народом. Бровыка тут же приметил какого-то знакомого и с радостным воплем полез с ним обниматься, после чего представил мне его как Колота, своего сводного брата и компаньона.

Колот оказался куда более расторопным и смышленным парнем. Посверкивая хитрыми черными глазами из-под шапки буйных кудрей, он рассыпался в комплиментах, поцеловал мне руку, галантно препроводил к столику напротив окна и вежливо отодвинул стул, чтобы я смогла сесть. На его фоне сводный брат выглядел неуклюжим медведем рядом с элегантным лисом.

Я с любопытством осмотрелась по сторонам. Пивная выглядела очень прилично – светлая, чисто выметенная, с резными столиками и настенными карикатурками с повторяющимся сюжетом: мужики, пьющие пиво. Все картинки были снабжены нескладными подписями вроде: «Пей пиво с утра, коль не допил вчера, а коль допил вчера, выпей и с утра».

– Пива госпоже ведьме! – заорал Колот, хлопнув в ладоши.

– И не только ей! – торопливо добавил Бровыка. – Всем по светлону!

– Мне не надо! – решительно возразила я. Пиво я терпеть не могу. Как кто-то вообще может пить эту горькую, отдающую кислой брагой жидкость цвета... хм... в общем, вы знаете.

Но мой протест не был принят всерьез.

На столе как по волшебству возникло пять высоких кружек пива с пышными желтоватыми шапками густой пены. К пиву подали традиционную закуску: куриные крылышки, запеченные в тесте, и белый пряный соус.

Мои новые знакомые жадно прильнули к заветным сосудам.

– Эх, хорошо! – заявил Колот спустя двадцать секунд, отставляя пустую кружку и вытирая запененные губы. – Удалось пивко, что ни говори!

– В самый раз, – подтвердил Бровыка, облизываясь и протягивая руку за крылышком. – Да вы пейте, госпожа ведьма, не стесняйтесь. Хорошее пиво, по старинным рецептам варено, еще прадед мой такое пиво к королевскому двору поставлял. «Шмелем» именуется, на десяти целебных травах настоянное, медом липовым приправленное.

Я робко отхлебнула из кружки... Ой... только сейчас я поняла, что жижка, которую подают в столичных кабаках, недостойна даже стоять в одном погребе с этой амброзией! Легкое, пряное, Пиво с большой буквы, оно само струилось в горло, играя всеми оттенками вкуса и запаха – от хмельной горечи до терпкой медовой отдушки,

– Ну как? – в один голос поинтересовались братья.

– Прелесть... – благоговейно прошептала я, с трудом отрываясь от кружки. – Прекрасное пиво. Просто изумительное. В жизни не пробовала ничего подобного.

Пивовары одобрительно переглянулись. Похоже, мне удалось произвести на них впечатление авторитетного специалиста.

– Итак, вернемся к нашим баранам, то бишь шкодникам, – сказала я, деликатно закусывая крылышком. – Излагайте дело, уважаемые.

– А чего там излагать? – охотно откликнулся Колот. – Сам же сказали: шкодит пакость какая-то в цехах.

– Ох шкодит... – горестно покачал головой Бровыка.

– Котлы опрокидывает, – начал перечислять Колот, загибая пальцы, – хмель рассыпает, травы перемешивает, с кринок крышки срывает и мед подъедает...

– В сусло гадит... – некстати ввернул Бровыка.

Я поперхнулась, расплескав пиво. Колот услужливо хлопал меня по спине.

– Раньше не могли сказать? – прохрипела я, с трудом отдышавшись. – И что, прямо среди бела дня... в сусло?

– Да нет, токмо по ночам, – поспешил с ответом Колот. – Днем в цехах людно, он, значит, стесняется вредить и до сумерек выжидает...

– Так в чем проблема? – рассмеялась я. – Оставляйте на ночь караульного!

Селяне разом замолкли, потупились.

– Дык... это... пробовали... оставлять-то...

– Ну и? – поторопила я.

– Уж больно тяжело для нашего брата...

– Караулить?!

– Караулить пиво да не отведать... – горестно признался

Бровыка.

Тут уж я посмеялась от души.

– Ну, если дело только за этим... покараулю я ваши производственные площади одну ночку, так уж и быть.

– Ларька! Еще пять темного! – радостно заорал Колот, опасно клонясь влево. Бровыка вовремя поймал его за плечо и усадил ровно. – Ох, вы у нас прямо агромадную каменюку с души сняли, госпожа ведьма, потому как нашему заводу крупный заказ королем даден, а мы с этим шкодником ну никак в сроки уложиться не можем. Вы уж изловите его или припугните как, лишь бы вредить перестал, а мы в долгу не останемся.

– Ловлю на слове, – заметила я, допивая «Шмеля». – Не люблю ходить в кредиторах.

– «Герольд», – благоговейно объявил Колот, когда взамен пустых кружек перед нами поставили полные. – Темное крепкое пиво, все до капли идет за границу, поставляем его аж в три государства. В столице такого пива иначе как за валюту и не достанешь.

Мы звучно чокнулись, по деревянным бокам кружек по-

текла пена. Мне все больше и больше нравилось это уютное заведение, и даже картинки на стенах уже не казались такими аляповатыми – наоборот, они преисполнились смысла, глубокого, загадочного и непостижимого, как само состояние алкогольного опьянения.

За «Герольдом» последовало «Пенное» и «Застольное», за ними – «Целебное». После «Целебного» народу за столиком заметно прибавилось, да и братья начали обращаться ко мне почему-то во множественном числе – «господа ведьмы».

– Вот эт-то пиво... – заплетающимся языком продолжал Колот, постукивая ногтем по краю кружки, – до того для организма полезительное, всякую хворь сни... ик!.. мает почище любого лекаря...

После чего долго пытался поймать кружку за ручку, но потом отчаялся и потребовал у корчмаря еще одну, как он объяснил, «посговорчивей».

Я тем временем вела с Бровыкой научно-теологический диспут о роли ведьм в экосистеме религии; причем я утверждала, что всех нас надо топить, а лучше – сжигать на кострах из осиновых дров, и даже предлагала совершить акт самоликвидации, а Бровыка со слезами на глазах уговаривал взять его в ученики.

Из пивной мы вышли обнявшись и зигзагами направились к заводу, поминутно спрашивая дорогу и тут же с нее сбиваясь. После многократных попыток нам удалось-таки опреде-

лить, какая из трех дверей ведет в цех, разобраться с неимоверно сложным устройством щеколды и попасть внутрь. Затем братья долго спорили, кто остается караулить, а я кокетливо отнекивалась и предлагала бросить жребий.

Последнее, что я помню, – это как Колот с Бровыкой безуспешно пытались убедить меня, что вон то маленькое серенькое, в большом количестве скачущее по стенам и потолку цеха, – не мракобесы, а безобидные зайчики... да, именно зайчики. Потом мы спели хором: «Ой, в лесу камыш квітнее...», а потом мои новые знакомые куда-то исчезли, а я вроде бы осталась караулить мракобесов, чтобы те не разбежались, иначе завтра нечем будет заправлять сусло...

* * *

Поутру выяснилось, во-первых, что караулить я должна была не мракобесов, а шкодника, во-вторых – пиво оказалось высшего сорта, ибо не оставило ни малейшего похмелья, как и воспоминаний о прошедшем вечере.

А в-третьих... шкодник не счел меня серьезной помехой. Акт вандализма был налицо.

Хмель ровным слоем устилал землю. На стене медом пополам с сажей была намалевана дикая харя, при взгляде на которую невозможно было удержаться от беспричинного смеха. Горшки с закваской были составлены друг на друга высоченной – под потолок – изломанной башенкой, к кото-

рой я боялась даже подступиться.

Больше того – мои длинные рыжие волосы оказались старательно заплетены в сотни лохматых косичек, причем заплетены намертво и восстановлению, похоже, уже не подлежали – кто-то сплел их по три волоса, потом – по девять, по восемьдесят одному и так далее.

...к суслу я не стала приноживаться...

Колот, Бровыка и незнакомый лысый мужик угрюмо осматривали цех. К моему стыду и их чести, они не упрекнули меня ни единым словом, колким намеком или укоризненным взглядом, только горестно покачали головами, оценивая нанесенный пивоварению ущерб.

– Ну что ж... – прервал затянувшееся молчание Бровыка. – Значит, надобно еще ночку покараулить, коль на сей раз не вышло...

Я потерянно кивнула:

– Всенепременно. Надо будет – и две покараулю. И три. Сколько потребуется.

– Да не переживайте вы так, госпожа ведьма, – попытался приободрить меня Колот. – Не впервой. Пойдемте лучше пива выпьем – глядишь, полегчает...

В этот момент башня из горшков с закваской рухнула к нашим ногам, кислая волна хлынула вдоль стен к дверям.

Я упрямо стиснула губы, покачала головой:

– Нет уж, благодарствуйте. Покамест воздержусь.

Колот понимающе кивнул:

– Тогда, может, в корчме со мной откушать изволите? У меня-то с утра во рту тоже маковой росинки не было, сразу сюда поспешил. А на голодный желудок оно не то что шкодника – котенка не изловишь.

Откушать я согласилась, и мы с Колотом пошли в корчму. Бровыка и его лысый заместитель остались руководить бригадой полусонных мужиков с мятыми, испытанными лицами, стянувшихся к заводу ко времени открытия – судя по всему, дегустаторов продукции с многолетним стажем.

* * *

За едой мы разговорились. Оказалось, в изготовлении пива принимают участие два заводика – один находится в трех верстах отсюда, в деревеньке Козья Тропка – там проращивают ячмень, потом выжаривают, отделяют ростки, а все остальное перемалывают на сусло, которое везут в Варокчу, где, собственно, и варят пиво. Помимо того Козья Тропка славится своими ячменными полями, псеками и плантациями хмеля.

Заводик в Козьей Тропке принадлежал Колоту, варокчанский – Бровыке. Узнав о шкоднике, Колот сразу же помчался в Варокчу, чтобы глянуть, не сможет ли он чем помочь брату, но тот уже обрел свое спасение в лице прелестной, милой, доброй волшебницы (тут я смущенно закашлялась и перевела разговор на другую тему – поблагодарила за завтрак

и попросила проводить меня до заводика).

На трезвую голову я решительно не узнавала помещения, в котором скоротала ночь. Попросту говоря, заводик представлял собой огромный сарай без чердачного перекрытия, уставленный котлами, в которых варили пиво. Подваренный и перебродивший полуфабрикат разливали по бочкам и их скатывали в холодные погреба для двух-, трехмесячной выдержки. Вдоль стен на треть их высоты громоздились мешки с хмелем и молотым ячменем.

Как я поняла, до ночи мне здесь делать было нечего, поэтому я поблагодарила Колота за экскурсию, оседлала Смолку и отправилась с ней побродить по окрестностям.

Невооруженным глазом было видно, что село зажиточное – сплошь черепичные крыши, свежекрашенные срубы, резные наличники. Я не заметила ни одной грязной либо потрепанной одежды на встретившихся селянах: работа на заводе обеспечивала их семьям постоянный солидный доход.

Лишь один домик выбивался из общего ряда – хотя бы потому, что домиком назвать его было сложно. Хоромы – вот хорошее определение. На редкость безвкусный особнячок, выкрашенный в яркий поросячий цвет, с разнокалиберными окошками и пламенеющей черепицей. Дорогие и капризные эльфийские розы на обложенных мрамором клумбах соседствовали с неряшливыми укропными грядками. Голенастый, изрядно потрепанный петух звонко кукарекал на голо-

ве у статуи некой полуголой девицы с отбитым носом, призванной изображать не то богиню любви, не то жертву сифилиса.

Я остановилась у невысокого забора, чтобы потешить свой взор нелепым строением. Смолка немедленно заинтересовалась декоративным вьюнком, причудливой вязью оплетшим штaketины, но дальше обнюхивания пока не шла.

Не прошло и минуты, как мы с лошадкой были оглушены диким ревом, издаваемым неким толстым, лысым, на редкость неприятным типом в долгополом кафтане и домашних тапочках, выскочившим из дома, как сторожевой кобель.

– Пшла прочь, бродяжка! – кричал он на бегу, брызгая слюной. – Я кому сказал? Проваливай! Неча тут шастать, воровское отродье!

Расставив ноги пошире, Смолка изо всех сил дернула зубами зеленую плеть. Забор пошатнулся от мощного рывка. Нахальный тип отпрянул от забора как ужаленный, словно опасаясь, что тот рухнет ему на грудь.

– Немедленно прекратите это безобразие! – заголосил он пуще прежнего, потрясая судорожно стиснутыми кулаками.

Я натянула поводья, не столько ошарашенная психической атакой заборовладельца, сколько опасаясь за желудок кобылы – по сопротивляемости ее зубам вьюнок мог соперничать с ременной плетью.

– Убирайся вон, пока я дворню не кликнул! – сорвался на дискант неприятный тип.

– Зовите! – Я восприняла эту идею с неподдельным энтузиазмом. – Э-ге-гей, люди!

На мой зов из разросшихся кустов сирени, закрывавших вход в хоромы, вынырнули два дюжих селянина, рыжий и чернявый, всюю изображающие преданных защитников хозяйского добра.

– Скажите, пожалуйста, чей это дом? – вежливо спросила я, не давая им опомниться.

– Ну дык... эта... господина нашего... – после короткого замешательства ответил рыжий. – Да вот они собственной персоной перед вами обретаются, Лукомир Добронрав их кличут!

– А я ведьма, – кокетливо представилась я. – Знаете, это такие вредные и злобные создания, что наводят порчу, воруют детей, превращают добропорядочных граждан в жаб и травят конями чужие заборы. Добронрав, говорите? Не похоже. Но все равно, очень, очень приятно познакомиться...

Мужичкам как-то сразу расхотелось иметь со мной дело; по крайней мере, они стянули шапки и отступили от забора, предоставив господину самому улаживать конфликт,

– Ах, так эта прелестная женщина – ведьма? – Лукомир расплылся в фальшивой слащавой улыбке. – Что ж вы сразу не сказали? Мы могли бы избежать этого маленького недоразумения. Кушай, лошадка, кушай...

Но Смолка уже охладела к выюнку; обнюхав забор, она внезапно скусила верх штакетины и невозмутимо захру-

пала ей, как ребенок – карамелькой.

Благоприобретенному самообладанию Лукомира можно было только позавидовать.

– Не согласится ли госпожа ведьма разделить с ее покорным слугой скудную трапезу? – предложил он, делая вид, что на протяжении всей истории коневодства любимым лакомством лошадей были ивовые колья.

– Благодарствуйте, я уже отобедала, – в тон ему ответила я.

– Неужели даже кофейку не изволите?

– Нет, не изволю.

– А посидеть поболтать в приятной компании?

– Когда госпожа ведьма найдет приятную компанию, она обязательно вас об этом уведомит, – с изысканной вежливостью парировала я.

– И надолго госпожа ведьма задержится в здешних местах?

– Как получится.

– А может, она тут и работать собирается? – продолжал развивать мысль Лукомир.

– Собираюсь, – благодушно подтвердила я, сама хлопнув за собой дверцу ловушки.

– А вы знаете, кого его королевское величество Наум Первый уполномочил собирать налоги с, как вы изволили пошутить, добропорядочных граждан этой деревеньки? – торжествующе закончил Лукомир.

– Теряюсь в догадках. – Я ослепительно улыбнулась. – Неужели вас?!

Собеседник кивнул, поединок неискренних улыбок достиг апогея.

– Одна ма-а-аленькая ошибочка, господин Добронрав. – Я улыбнулась еще обворожительнее, и мои глаза загорелись злым желтым огнем, поглотившим зрачки. – Я НЕ добропорядочная гражданка. И слишком дорожу этим статусом, чтобы потерять его, унизившись до уплаты налогов... да еще такому жулику и прохиндею, как вы.

– В таком случае, – Лукомир тоже не погасил улыбки, что само по себе было плохим диагностическим признаком, да еще хищно подался вперед, словно желая признаться мне в пламенных чувствах, – мне придется – с превеликим прискорбием – сообщить о вашем недостойном поведении в Ко-вен Магов, который, без сомнения, имеет на вас некоторое влияние. Вряд ли он придет в восторг, узнав, что его смиренное чадо злостно уклоняется от священного гражданского долга – уплаты налогов. Возможно, вас даже отлучат...

– Хватит, хватит. – Я хлопнула ладонью по колену. – Сколько вы хотите?

– А сколько вы получите? – Его не так-то просто было провести.

– Мы еще не касались этого вопроса.

– Когда прикоснетесь, – он снова улыбнулся, да так, что меня мороз продрал по коже, – учтите, что цену необхо-

димо зависить вдвое, чтобы не остаться в накладе.

– Уж как-нибудь, – презрительно огрызнулась я. – Это все, что вы хотели мне сказать?

– Абсолютно все, моя красавица. – Этот мерзавец откровенно смеялся мне в лицо! – Я очень рад, что мы правильно поняли друг друга.

– Я не уверена, что у вас есть повод для радости, – веско проронила я, трогая Смолкины бока каблуками.

* * *

Остаток дня я потратила на волосы. Там, где оказались бессильны заклинания, отлично справилось репейное масло – пропитанные им косички расплелись и расчесались. Не без труда, и вид у волос теперь был уныло-обвислый, зато, как утверждала народная медицина, благотворное влияние масла на волосы должно было укрепить их и надолго сделать блестящими и шелковистыми.

«Во всем можно найти светлые стороны», – философски заключила я, когда теплая вода в кувшине закончилась, а масло на волосах – еще нет.

Подсушив волосы, я отдала девочке-служанке мокрое полотенце и окликнула Бровыку, терпеливо ожидавшего в горнице.

– Да, госпожа ведьма? – охотно отозвался он.

– Кто этот Лукомир? Что, действительно королевский

уполномоченный?

Бровыка заметно помрачнел:

– Он самый... Не знаю токмо, кто его, кровопивца, уполномачивал королеву казну со своим карманом равнять. Одно время совсем нас с Колотом налогом задавил, в убыток себе работали, завод пришлось заложить, чуть по миру не пошли, да случай выручил – наехала в наши места королевская охота, остановилась в Варокче на ночлег, ну мы ее и приветили, как положено... Три дня привечали, все бочки из погребов выкатили – гулять так гулять. А на четвертое утро получили мы от самого короля полное и всяческое освобождение от налогов с оговоркой ежегодно поставлять ко двору бесплатно десять бочек пива сверх денежного заказа.

– Чем сильно огорчили Лукомира, и он решил отыгаться на бедной ведьме, – dokonчила я.

Да, дело плохо. Угрозы шантажиста не были пустым звуком. Он действительно обладал властью, достаточной, чтобы его жалоба в Ковен не оказалась в мусорной корзине.

– Ясно. Вот что, Бровыка, мне от вас надобно... Свечей восковых – семь штук, веревки пеньковой – семь локтей и холщовый мешок попрочнее... ах да, совсем забыла. Блюдечко со сметаной.

Селянин вытаращил глаза:

– Всего-то? А сметана вам какая требуется? Медвежья, собачья аль... человечья?

Я рассмеялась от души:

– Эх, господин пивовар, вы наслушались бабкиных сказок про ведьм. Нет, мне нужна самая обычная сметана – коровья, сойдет и козья, пусть даже не очень свежая, лишь бы не совсем порченная.

Селянин озадаченно поскреб макушку:

– Экие у вас запросы... выходит, знаете, на что идете, коль загодя инструмент означили?

Я неопределенно пожала плечами.

Да, если бы не пять кружек пива, первая ночь на заводе прошла бы для меня в чтении заклинаний и обходе строе-
ньица со всеми амулетами поочередно – ведь никто не знает, с кем придется не на жизнь, а на смерть схватиться странствующей ведьме во мгле беспокойного сарая. Но, по счастливой случайности, я отделалась лишь переплетенными волосами, которые и позволили мне более-менее точно судить о природе вредника. Конечно, человеку такое не под силу. А вот мелкому бесу типа подкаморника, свистуна или шуша – вполне. Эти вредливые твари распространены повсеместно, больше в лиственных лесах, а в последнее время повадились пробираться в избы и зимовать в тепле. Иногда их не совсем правильно называют домовыми.

– Так давайте и плату сразу установим, – предложил пивовар. – Сколь вы хотите за услуги свой ведьминские? Серебром али медь тоже сгодится?

– Сгодится все... А можно натурой? – спросила я.

– Но вы же говорили... – растерялся Бровыка, – мол,

ни картошкой, ни квашеной капустой... Вы не стесняйтесь, госпожа ведьма, мы люди не бедные – денюга у меня имеется, скажите, сколь надобно, – заплачу вам честь по чести. Могу вперед дать половину – вижу, человек вы надежный, чаровник правильный – не те пустословы, что драконьи зубы в ожерельях напоказ носят, а живого дракона отродясь не видывали...

– Я-то видела настоящего дракона, – улыбнулась я. – Но сомневаюсь, что мы остались бы с ним хорошими друзьями, выбей я ему зуб. Нет, уважаемый Бровыка, дело не в застенчивости, а во взаимной выгоде. Давайте уговоримся так: вы дадите мне за работу мешок того, что я сама захочу забрать с завода. Идет?

Бровыка задумался надолго, очевидно, вспоминал, не зарыт ли у него под полом клад в золотых слитках.

– Так там же окромя хмеля да солода ничего и нетути... – растерянно пробасил он, почесывая затылок.

– Ну так чего же вы тогда беспокоитесь?

– Да неловко как-то... Хочется вам за старание воздать по-людски, чтобы никому обидно не было...

– Что вы, уважаемый Бровыка, никаких обид, – заверила я селянина, хищно улыбаясь своим мыслям. – Напротив – взаимная выгода. По рукам?

– Ну, как скажете, нехай так оно и будет, – пожал плечами Бровыка, доверчиво протягивая мне широкую ладонь.

Кто-то считает магию стезей избранных, кто-то – орудием зла.

Для кого-то она – непостижимое чудо, для кого-то – точная наука из нерушимых правил и закономерных следствий.

Кому-то она кажется пустым, глупым, изжившим себя староверием, а кто-то не мыслит без нее жизни.

Для меня это всего лишь работа, тяжелая и нудная, но нужная и интересная.

Связав концы бечевы, я выложила круг на земле и пригвоздила к ней расщепленными снизу свечками. На расстоянии протянутой руки поставила блюдо со сметаной (не удержалась и попробовала... Эх, хороша сметанка! Достоять бы ей до нужного часа!), опустила на колени внутри круга и щелкнула пальцами, воспламеняя свечные фитильки.

И застыла, скрестив руки на груди.

В селе залаяли собаки. Кто-то не таясь, тяжелой поступью шел к двери. Скрежетнула щеколда, скрипнули петли.

– Госпожа ведьма? – В щель просунулась кудлатая голова Колота. – Госпожа ведьма, где вы? Я вам поесть принес, ночью, поди, захочется перекусить чего-нито...

Его взгляд прошелся по помещению, безучастно скользнул по мне.

– Вышла куда-то, – заключил селянин, прикрывая дверь. Я довольно ухмыльнулась. Заклинание работало, как положено.

Вот только удастся ли так легко провести ту зверюшку, на которую оно рассчитано?

Собаки все не унимались – вероятно, учуяли лису, крадущуюся к курятнику, либо в чьей-то избе, за плотно закрытыми ставнями, происходила медленная, мучительная смена дневной ипостаси волкодлака. Будь у меня побольше времени... и поменьше знакомых вроде Лукомира, я бы задержалась в Варокче еще на пару дней. Да, занятное местечко. Весь здешний воздух был, казалось, пропитан волшебством – не злобной некромантией, не сокрушительной мощью белой магии, а неким загадочным, снисходительным и добродушным, но определенно потусторонним духом, заставляющим с жадным любопытством вглядываться в извины мрака за пределами круга из горящих свечей.

Ох, не туда надо было вглядываться... случайно бросив взгляд на миску, я беззвучно ахнула. Сметаны в ней осталось на доньшке, да и та убывала с катастрофической скоростью, словно тая в воздухе.

У магов есть шутливая поговорка: не пойман – не бес. Действительно, пока ты не дотронулся до беса, он невидим – если сам этого хочет. Примерившись, я выбросила правую руку из круга и наугад схватила домовенка за шкуру.

Неизвестно, кто испугался больше – я, ставшая видимой

с нарушением границ круга... или существо, на чью неприкосновенность я имела неосторожность покуситься.

В отличие от живых существ, размеры и внешний вид нечистиков зависят не от календарного возраста, а от силы, которой они обладают в нашем мире. Топляк подрастает с каждой заеденной им жертвой, при тех же условиях упырь обзаводится плотью, а кикимора обретает способность надолго оставаться без воды и совершать набеги по суше.

Но не всем тварям для роста требуется кого-нибудь загрызть, обескровить, разорвать на мелкие кусочки. Леший, например, питается человеческим испугом, чащобный заплут – отчаянием, ну а домовому достаточно почувствовать себя хозяином в доме, чтобы окрепнуть и вырасти прямо на глазах.

Я уже не раз охотилась на домовых бесенят и знала, что они могут достигать размеров трехмесячного ягненка. Поэтому, впервые в жизни обнаружив у себя в руке массивный загрызок твари величиной с матерого волка, я была, мягко сказать, удивлена. Представьте, что вы обнаружили в мышеловке крысу размером с поросенка, и вы без труда поймете мое состояние.

К счастью, шушь – а это оказался именно он – исключительно травоядное существо, столь же безобидное, сколь и пугливое. Взвизгнув от ужаса, он сорвался с места и понесся по заводу, не разбирая дороги, одержимый одним-единственным желанием: спасти свою роскошную черную шкуру.

От неожиданности моя рука сорвалась со шкурки, скользнула по гладкому хребту, и уйти бы домовому-пивовому шкоднику безнаказанным, не сомкнись мои пальцы у самой кисточки длинного хвоста.

Отлично понимая, что в другой раз шушь так просто в руки не дастся, я впилась в его хвост мертвой хваткой.

Это было не самое разумное решение. Начать с того, что шушь, как и все бесы, не делал различий между полом и потолком, с равным успехом перемещаясь вверх и вниз головой. Это еще не все – вылетая из круга, я запуталась ногой в бечеве, и теперь за мной волочился хвост из заговоренных на совесть, немеркнувших свечек, припаянных к бечеве оплывшим воском. Проклятый бес подмел мною весь пол, вытер паутину с потолка, сбил несколько скамей и какую-то утварь с полок. Все вокруг крутилось и мельтешило, звенело, гремело и осыпалось черепками и щепками. Казалось, этой сумасшедшей гонке не будет конца. Болтаясь на хвосте у необъезженного домового, очень трудно сообразить что-нибудь путное, тем более сплести заклинание, так что мне оставалось только зажмурить глаза и молиться, чтобы эта глупейшая история поскорее закончилась, не став позорной точкой в моей биографии...

* * *

...Смекалистый племяш Бровыки, двенадцатилетний

Гринька, не спал этой ночью. Как только набожное бормотание бабки, молившейся на ночь, сменилось куда менее благозвучным храпом, он кубарем скатился с полатей и выскочил в окно, не доверяя скрипучим дверным петлям. Ему очень хотелось посмотреть, как же ведьма будет ловить шkodника на дядькином заводе.

Под окном Гриньку встретил Кодка, закадычный друг и шkodник почище всех нечистых духов, вместе взятых.

– Заливает, поди, ведьма! – шепнул Кодка, когда мальчишки наперегонки мчались к заводу. – Упьется пивом задарма и будет дрыхнуть всю ночь, а утром скажет, мол, до того наколдовалась и уморилась, что упала замертво и едва к рассвету очухалась.

– Давай мы ей какую-нибудь пакость подстроим? – предложил Гринька.

– Эге! Вымажем, сонной, всю морду дегтем, да еще пером сверху присыплем. Вот веселья поутру будет!

– Где только их взять, перо да деготь? – вздохнул мальчишка.

– Экий ты чудила! Перо я загодя у тятки из подушки надергал. А дегтя сейчас из ведерка у кузни зачерпнем.

– Ну ты даешь! – восхитился Гринька.

– А то! – важно откликнулся Кодка.

Хихикая, мальчишки приоткрыли дверь, просунули в нее свои хитрые чумазые мордашки... и оцепенели.

О ужас!

То, что они увидели, навсегда оставило след во впечатлительном детском разуме. Да привидься им подобный кошмар во сне, на теплой печи родной хаты, и то, обливаясь холодным потом, побежали бы прятаться к мамке под одеяло!

Ведьма, завывая и улюлюкая, как тот леший, носилась по потолку и стенам в обрамлении ярких огней!

Мальчишки хором завопили, развернулись и задали стрекача, подгоняемые свистом ветра в ушах.

Больше они никогда не смеялись над ведьмами. И даже говорили о них не иначе как шепотом и с оглядкой...

* * *

...Шушь начал уставать. Его движения замедлились, рывки ослабели, пока, вконец обессилев, он не свалился на пол. Мы полежали рядышком, с ненавистью глядя друг на друга и тяжело дыша.

Я так и не выпустила мохнатого хвоста, и он неожиданно стал таять в моей ладони – шушь окончательно пал духом и принял свой естественный облик. Кряхтя и потирая свободной рукой ушибленные места, я встала на колени, без труда удерживая на весу существо размером с кошку, покрытое черной шелковистой шерстью.

Висящий на хвосте шушь повел растопыренными лапками и жалобно, по-кошачьи противно завыл на одной ноте, тараша на меня непропорционально огромные желтые глаза

с зеленым ободком вокруг зрачка.

– Ну что, негодник, допрыгался? – выдохнула я, поднося к носу бесенка свободный кулак.

– У-у-у... – безнадежно заскулил шушь, медленно вращаясь на хвосте. Меня разобрал смех. Позабыв о мести, я, прихрамывая, прошла по заводику, небрежно помахивая шушем, как поп кадиллом. Отыскав мешок, запихнула туда присмившего бесенка, стянула горловину веревкой и запечатала заклятием всеобщего повиновения.

...и до самого рассвета просидела на мешках с хмелем, залечивая синяки и ссадины целебной смесью из эликсиров, заклинаний и сочных выражений, не имевших ни малейшего отношения к колдовским наукам...

* * *

Я клятвенно заверила пивоваров, что ни один чан с солодом больше не подвергнется осквернению со стороны нечистых сил. Не без удовольствия прослушав хвалебную речь в свой адрес, я откланялась, вежливо отказавшись от «пошока на дорожку».

Лукомир, как я и предполагала (но надеялась ошибиться), поджидал меня у калитки своего дома. Конечно, я могла бы выехать с другой стороны села, но он прекрасно знал, что я так не поступлю – если не хочу обещанных неприятностей.

– Принесла? – с вызывающей наглостью осведомился он.

– А как же... Сначала действительно собиралась отдать вам половину, но потом передумала (лицо сборщика налогов начало складываться в злобную гримасу)... и решила отдать все (гримаса приобрела удивленно-настороженный оттенок).

Лукомир развязал веревку и пытливо заглянул в мешок. Оттуда пахнуло ветром, словно кто-то юркий и пушистый проскочил мимо его лица. Узенькой цепочкой, ведущей к подвальному окошку, примялась трава под маленькими лапками.

– Но здесь ничего нет! – воскликнул он после короткого замешательства.

– Да, здесь уже ничего нет, – с притворным сочувствием заметила я. – Видите ли, и в наше жестокое время существует такое понятие, как альтуризм, – дескать, помогай своему ближнему и далее по тексту... Не верите? Можете поднять ведомости! По накладным расходам пивоваренного заводика Варокчи проходит мешок холщовый, одна штука, номинальная стоимость медяк. Вещь ценная и в хозяйстве незаменимая, можно сказать, от сердца отрываю...

Но Лукомир не оценил моей жертвы. Он грязно выругался и захлопнул калитку, не обременив себя последним «прости». Мешок, впрочем, унес с собой. Даже веревкой не побрезговал.

...подвальное окошко тихонько поскрипывало, покачиваясь на петлях из стороны в сторону...

* * *

Насчет альтруизма я, конечно, пошутила. Честные пивовары не успокоились, пока не всучили-таки мне небольшой кошель с деньгами. Мы оформили это как «безвозмездный дар, не подлежащий налогообложению»...

Хозяин

Утро выдалось тяжелое. Быть может, в этом повинны были трескучие морозы, первые в этом году, хотя дело уже шло к середине зимы, или серое небо, затянутое тучами и пылившее колючей снежной крупкой; не поднимал настроения и мрачный вороний крик, доносившийся с кладбища, поскрипывавшего суставами старых берез.

Староста глухой, затерянной среди лесов и болот деревеньки Замшаны был склонен приписывать свое угнетенное состояние чему угодно, только не бутылки самогона, распитой на ночь глядя. Лежа в кровати и с усилием щурясь на тусклый холодный рассвет за окном, староста пытался унять головную боль, с нажимом массируя виски. Жена тихо посапывала на закопченной печи, детишки, сынишка и дочка, спали валетом на высокой кровати. Басисто мурлыкал толстый рыжий кот, примостившийся под боком у девочки. В подполе деловито шуршали и попискивали мыши.

Староста приподнялся на локтях, отбросил одеяло, встал, нащупывая ногами лапти. Подошел к окну. По дороге, затирая следы, клубилась поземка. Ветер посвистывал в печной трубе, шелестел голыми прутьями малинника. Пес дремал в будке, свернувшись калачиком и укутав нос пушистым хвостом. Из трубы на соседской крыше медленно сочился белый дымок. На дубу сидела черная длиннохвостая и ко-

роткогровая лошадь. Снегопад высеребрил ей круп и холку.

Лошадь?! Староста протер глаза и прижался носом к холодной слюде окошка.

Дуб был высокий, локтей сто в высоту и не меньше двух обхватов у комля. Лошадь стояла на нижней ветке, на три человеческих роста от земли, и задумчиво смотрела вниз, время от времени встряхивая головой и досадливо фыркая. Ноги лошади казались кривыми из-за неестественно вывернутых вбок суставов, чтобы удобнее было держаться за ветку когтями... Загнутыми книзу копытами?

Староста торопливо перекрестился и начал бормотать первую пришедшую на ум молитву, как позже сообразил – заздравную. Белая горячка в лице черной лошади осторожно переставила сначала левую заднюю, потом правую переднюю ногу, задом пятясь к стволу.

Отпрянув от окна, староста с шелестом задернул занавески, осел на стул, прижимая левую руку к груди и безумно оглядываясь по сторонам.

Лавка. Кровать. Печь. Стол с вымытой и перевернутой донцами вверх посудой. Ларь для хлеба и прибитая к стене деревянная солонка. Жена, такая реальная и привычная, перевернулась во сне, пробормотав что-то неразборчивое.

Отдернул занавески.

Черная лошадь на дубу задумчиво чесала холку правой задней ногой.

Снова задернул.

– Ты чего там с занавесями возишься, спать не даешь? – Сонный голос жены звучал хрипло и грозно. – Опять вчера нажрался с дружками своими, чтоб им пусто было, приполз на бровях за полночь? Ночью спать не давал, и утром от тебя покою нет! Чего ты на меня уставился? Не протрезвел ишшо? Так я тебя быстро сковородником оприходуя!

– Там... – Староста беспомощно ткнул рукой в сторону занавешенного окна. – Лошадь...

– Ну?

– Лошадь... на дереве!

– Ну? – все так же недовольно допытывалась жена.

– Ты чего, не понимаешь? На дереве!!! Сидит на ветке, чисто ворона!

– Делов-то! Нашел чем удивить! Вечор, пока ты с дружками пьянствовал, ведьма в деревню приехала! У вдовы Манюшиной остановилась, та ей ужин справила и комнату выделила. Ничего, говорит, ведьма, молодая и симпатишная, и не страшная нисколечки. Спину ей вылечила и курей от мора заговорила. Сходил бы ты к ней, купил, что ли, молодильного зелья какого. А то пользы от тебя, хрыча старого...

Староста облегченно откинулся на спинку стула.

Слава богу... с трезвым образом жизни еще можно было повременить...

Меня разбудила Линка, младшая дочка вдовы. Под одеялом было тепло, чего не скажешь о прохуdivшейся, источенной ненастьем и временем вдовьей хатке с выставшей за ночь печью. Мороз ударил внезапно, утром лошадь брезгливо трусила вдоль вязкой каши, стоявшей вровень с краями колеи разбухших от осенних дождей дорог, но уже к обеду лужи затянуло ледком, повалил снег, и, когда я наконец завидела вдали тусклые отблески тлеющих в домах лучин, у меня зуб на зуб не попадал, а меховой воротник оброс льдинками от клубящегося изо рта пара.

– Тетя ведьма! – Шестилетняя малышка в длинной ночной сорочке вскарабкалась на кровать и со всего размаху плюхнулась мне на живот поверх одеяла. – Тетя ведьма, а вы сегодня колдовать будете?

– Буду... – процедила я сквозь зубы, из последних сил цепляясь за ускользящий сон.

– А меня научите?

– Нет.

– Почему?

– Потому что первым делом я превращу тебя в мышку, а мышки колдовать не умеют...

– А я расколдуюсь и сама превращу вас в мышку! – после секундного замешательства выпалила девочка, подскакивая

на моем животе, как пружина. Бесподобные ощущения.

– Ребенок, дай тете ведьме поспать! – простонала я, натягивая одеяло на голову.

– А разве ведьмы спят?

– Спят. Когда им не мешают.

– Преврати меня в мышку! Я хочу жить в норке!

Я отчаялась заснуть и села, откинув одеяло вместе с Линкой.

– Мама спит еще?

– Ага. Разбудить?!

– Не надо, – торопливо сказала я, протягивая руку за висящей на стуле одеждой. – Одевайся, простудишься.

– Не простудюсь! – убежденно заверила меня девочка. – А ваша лошадка не простудится?

– Смолка? Нет, она мороза не боится, у нее шубка теплая.

Хочешь, пойдем ее проведаем?

– Хочу. А она к нам спустится или мы к ней полетим?

– Что? – Я выглянула в окно.

Смолка, словно почувствовав мой взгляд, повернула морду в нашу сторону и хрипло заржала.

– Вот леший... – выругалась я.

– Где?

– Что – «где»?

– Леший! – уточнила Линка, натягивая штанишки явно задом наперед, так что вытертые пузыри над коленками оказались под ними.

– Испугался меня и убежал. Пошли.

На улице шел снег, мелкий и редкий. Порывистый ветер обращал его в тонкие иглы, впивавшиеся в лицо. Линка в своем коротком сером полушубке походила на упитанного зайца, пропустившего осеннюю линьку.

Прикрыв глаза рукой, я долго разглядывала лошадь, застывшую на ветке подобно испуганной черной кошке.

– Смолка, иди сюда!.. – наконец вымолвила я, пропустив кучу непечатных слов до и еще больше – после этого краткого обращения к неразумной скотине.

Лошадь печально смотрела вниз, моргая облепленными снегом ресницами.

– Слазь, дурочка, замерзнешь ведь! – смягчилась я.

Смолка вздрогнула всем телом и тихо, мелодично заржала, словно жалуюсь на неведомого обидчика.

– Ну и что мне с тобой делать? – вслух подумала я.

– Давай ее спилим! – немедленно предложила Линка. – Я знаю, где у мамы пила стоит, только она без ручки и тупая!

Я содрогнулась, представив, как «обрадуется» здешний староста, увидев вековой дуб, реликт и гордость деревни, лежащим посреди густо усыпанной опилками площади.

– Пожалуй, мы побережем этот радикальный метод на самый крайний случай. Смолка, спускайся! У меня есть что-то вкусненькое!

Я сделала вид, что достаю из кармана кулак с зажатым в нем лакомством.

Лошадь заинтересованно вытянула шею, раздула ноздри.

– Ой, а у вас правда есть что-то вкусненькое? – Линка запрыгала вокруг меня, как козленок. – А мне дадите?!

– Нет, это только для лошадки. – Мое терпение начинало истощаться. Смолка, догадавшись, что ее обманывают, отвернулась с оскорбленным видом.

– А что ваша лошадка любит? – не унималась малявка. – Может, я такое тоже люблю?

– Все. Особенно маленьких девочек, – досадливо бросила я, выразительно поглядывая на Линку.

* * *

Стоило жене подняться с печи, как старосте захотелось бежать прочь из избы. И острый же язык у этой треклятой бабы! Все припомнила: и что пьяный пришел, и как на собрании с мельничихой перемигивался, и даже про забор, что чинить давно пора, не забыла...

Староста не имел опыта общения с ведьмами. Но, выбирая между женой и ведьмой, постепенно склонялся в сторону последней. Вяло огрызаясь, он застегнул тулуп, нахлобучил волчий треух и с наслаждением хлопнул входной дверью.

Ведьму он узнал сразу. Женщина лет двадцати пяти, рыжевато-русая, с приятными чертами лица, слегка подпорченными профессиональным, жестким и презрительным, выра-

жением. Ведьма задумчиво смотрела вверх, поджав тонкие губы. Трепетали на ветру длинные волосы, трепетал длинный хвост стоящей на дереве кобылы.

Под ногами у ведьмы крутилась младшенькая вдовой Регеты Манюшиной, пытаясь слепить снежок из тоненького слоя рассыпчатой снежной крупы.

Не осмеливаясь заговорить, староста застыл на почтительном расстоянии от дуба. Деревня еще спала, центральная площадь сжимала виски гулкой и непривычной пустотой. Говорят, ведьмы крадут маленьких детей и варят из них свое колдовское зелье. Вот сейчас схватит девочку в охапку, вспрыгнет на метлу – и поминай как звали. Надо бы вмешаться, пока не поздно, прищучить лиходейку, чтоб неповадно было окаянной детишек несмышленных речами сладкими приваживать.

С другой стороны, совершать подвиг путем атаки на ведьму с голыми руками старосте тоже не хотелось. Да и королевские свитки, приколоченные к верстовым столбам, предписывали оказывать колдунам и ведьмам – практикующим магам, как по-ученому именовались наемные волшебники, – всяческую помощь, преград в их богомерзкой деятельности не чинить, на кострах не сжигать, собаками не травить и камнями не швыряться. Впрочем, и сжигали, и травили, и швырялись.

Тут Линка обернулась и увидела старосту, нерешительно переминающегося с ноги на ногу.

– Тетя ведьма! – радостно взвизгнула она, дергая женщину за рукав кожаной куртки с меховым воротником. – Вон дядя староста идет! Давай его в мышку превратим!

Ведьма обернулась, скривила губы в ироничной усмешке. Идея пустить Линку на декокт уже не казалась старосте такой отвратительной.

* * *

После четверти часа уговоров и угроз стало ясно, что Смолка сама с дуба не слезет. Прыгать она боялась, а развернуться мордой к стволу и спуститься по нему не могла. Тем не менее следовало сманить ее как можно быстрее, пока селяне не начали проявлять повышенный интерес к диковинной зверушке. Хорошо, если дело ограничится зрелищной потехой, о которой будут со смехом рассказывать по окрестным корчмам. Меньше всего мне хотелось, чтобы Смолку сочли порождением нечистой силы и сожгли вместе с дубом.

Ну вот, принесла его нелегкая!

– Доброе утро, не правда ли? – преувеличенно жизнерадостно приветствовала я старосту.

– Здра... кхе... Добр... стал быть... Ну я пойду?

– Куда? – удивилась я.

Староста затравленно огляделся, словно ища путь к отступлению.

– Это... домой...

– Так вы ж только что из дома! – резонно заметила Линка.

– Дык... это... прогулялся, стал быть, воздухом подышал – и домой! – Староста боязливо пятился спиной вперед. Я, озадаченная его странными манерами, пошла следом.

– Может, у вас какая работа для меня найдется? Целительство, ворожба, декокты, упокоение...

Староста охнул и, оступившись, сел в снег.

– Помилуйте, госпожа ведьма! Не лишайте живота, не оставляйте жену вдовой, детишек сиротами!

– Давай лишим его живота! – вмешалась Линка. – А то вон какой большой вырос, аж тулуп не застегивается!

– Не валяйте дурака, вставляйте! – рассмеялась я и добавила, скорчив злобную рожу: – А этот не по годам смышленный ребенок сейчас у меня получит по первое число!

Линка захихикала и спряталась за дуб.

– А вот и не поймаешь!

Я погрозила Линке пальцем и снова повернулась к старосте.

– Что это на вас нашло, уважаемый?

– Дык вы ж это... упокоение помянули. – Кряхтя, староста поднялся, сиюсь рассмотреть через плечо выпачканную снегом спину.

– Точно. Ликантропы, кикиморы, кашуры, нетопыри, глыдни... Вы, надеюсь, к ним не относитесь?

Староста вытаращил на меня глаза:

– Что вы, госпожа ведьма, у нас отродясь такой пакости не водилось!

– Жаль-жаль... – задумчиво протянула я. – То есть работы для меня тоже нет... Ну что ж. Позавтракаю и поеду дальше.

Обещание покинуть деревню после завтрака пришлось старосте по вкусу. Заметно приободрившись, он уже не торопился покидать мое неприятное общество.

– А не найдется ли у вас какого зелья, чтобы жену к порядку призвать? – с надеждой спросил он. – До того ворчливая баба стала, ну никакого спасу нет! Мужика своего в грош не ставит, все пилит и пилит, ровно лесину старую! Эвон какую плешь проела!

– Ядами не торгую. А менее радикальных средств от жен еще не придумано. – Я снова посмотрела вверх. Смолка ответила мне удрученным взглядом.

– Ваша кобылка-то? – заискивающе поинтересовался староста.

– А что, не видно?!

– Экая ловкая бестия! – озадаченно покачал головой селянин. – И как это ее угораздило?

– Она собачки испугалась! – сообщила Линка, опускаясь на четвереньки. – Большой собачки! Р-р-р-р!

– Вставай, штанишки испачкаешь. – Я наклонилась, перехватила Линку поперек живота... и тут же выпустила.

Ручонками в цветастых варежках девочка упиралась в следы широких трехпалых лап.

* * *

Ведьма заметно изменилась в лице. Опустившись на корточки, она стянула правую перчатку и, растопырив пальцы, медленно приложила руку к странному следу. Изящная женская ладонь едва-едва покрыла треть отпечатка.

– Плохо дело... – Ведьма убрала руку и проследила глазами путь странного существа. Ее взгляд уперся в ствол дуба. На коре отчетливо выделялись шесть глубоких желтоватых царапин – следы соскользнувших когтей.

– Что это? – внезапно охрипшим голосом спросил староста.

– Модифицированный химероид.

– Чего?

– Загрызень, – коротко пояснила ведьма.

У старосты потемнело в глазах, замутило от ужаса.

Загрызень... В его деревне!

– Бейте в набат, – приказала ведьма. – Немедленно. Созывайте людей. Если еще есть кого созывать...

* * *

Ну вот, только что жаловалась на отсутствие работы – и на тебе! Накаркала!

С последним ударом набата все жители деревни собрались на площади. Страшная весть распространялась подобно огню по сухой траве. Мужики угрюмо молчали, бабы укачивали ревущих младенцев, ребятишки постарше, не сознавая опасности, гонялись друг за другом, швыряясь снежками.

Ветер поменял направление и задул с юга, сбив облака в серую беспросветную пелену. Снег повалил крупными мокрыми хлопьями. Утро больше походило на ранние сумерки. Кое-кто из селян принес с собой зажженные факелы, многие сжимали в руках топоры и вилы.

– Все в сборе? – спросила я, беспокойно оглядывая людей. Много. Слишком много. Как говаривал один знакомый пастух, чем больше отара, тем вольготнее волку. Ты с одной стороны стада, он – с другой. Ты его видишь – и он тебя видит, и оба вы отлично понимаете, что ты не успеешь обежать отару, чтобы помешать хищнику зарезать тройку-другую овечек.

Понеслись дружные выкрики – мол, все, все, не беспокойтесь!

Именно это и внушало мне особенное беспокойство.

Наконец откуда-то из задних рядов раздался тонкий девичий голос:

– Полота-бобыля нет!

– Точно, нет! – зашушукались в толпе. – А где ж он?!

Ой, бабоньки!

– Стойте здесь, – сурово приказала я. – Не расходитесь!

Держитесь плечом к плечу, женщины и дети – в центр ота... круга. Староста, присмотрите за порядком! Где хата этого бобыля?

Проследив за направлением десятка трясущихся рук, я увидела далеко на отшибе приземистую хатку за высоким некрашеным забором.

– Прекрасно, – мрачно буркнула я себе под нос. – Заблудшая овечка. Ну что ж, юная пастушка, прогуляемся...

* * *

Животное встретило меня неприветливо. Стоило мне приоткрыть створку ворот, как оно разразилось пронзительно-въедливым лаем. Назвать это мелкое и облезлое существо собакой не поворачивался язык. Хватило угрожающего взгляда в ее сторону, чтобы шавка с визгом скрылась в конуре.

Окна покосившейся хатки были закрыты ставнями изнутри. В открытых сенях греблись куры. Стоило моей тени упасть за косяк, как они с истошным квохтаньем заметались по клетушке, взлетая над моими плечами и проскальзывая мимо ног.

Покачав головой, я переступила порог сеней, прислушалась, В воздухе кружились перья пополам с мелкой пылью. Из дома доносились хрипы и глухое утробное рычание.

Я тихонько придавила язычок щеколды и под сдавленный

скрип двери проскользнула в горницу.

Первое, что бросилось мне в глаза, – пестрое лоскутное одеяло на печи. Вышеупомянутая постельная принадлежность выпирала высоким горбом, подергивалась, шевелилась, ритмично поднимаясь и опускаясь.

Из-под одеяла доносился молодецкий храп.

Хмыкнув, я подошла к печи и чувствительно шлепнула горб по верхушке.

Храп принял угрожающий оттенок и прервался. Показалась встрепанная голова с опухшим со сна лицом.

– Ась?!

– Вставай, мужик! – громко сказала я. – И силен же ты спать – набата не слышишь!

– А чаво?

– А таво! Загрызень в деревне!

– Ты, что ль? – ехидно поинтересовался бобыль.

– Ну вот что, шутник! – рассердилась я. – Либо ты сейчас же встаешь, и я провожаю тебя на площадь, либо будешь отмахиваться от загрызня подушкой!

Ворча, селянин вылез из-под одеяла, накинул тулуп на голое тело, долго искал под печью и лавками портянки, потом лапти. Я уже начала терять терпение, когда он наконец бережно сунул за пазуху бутыл с мутным напитком, источавшим резкий запах брожения, и соизволил уведомить меня о своей полной готовности к перемещению на площадь.

События на площади начинали выходить из-под контроля. Незнание и бесплодное ожидание выводили людей из себя, несмотря на робкие увещания старосты. Накапливалось болезненное раздражение. Толпа волновалась, участились беспорядочные выкрики – мол, надо расходиться по домам, запирайтесь и никого не пущать, особенно ведьм и колдунов, неча такой завихренью посередь улицы наподобие идолов каменных леденеть.

– Да с чего вы взяли, что он здесь, загрызень-то? – выступил вперед молодой парень драчливого вида в сбитой набок шапке. – В лесу, поди, заячьих следов видимо-невидимо, так по-вашему выходит – табунами косые ходят, руки пошире расставь – и мимо зайца не промахнешься!

Толпа всколыхнулась смешками.

– Где он, ваш загрызень? – продолжал парень. – Видел его кто? Пробежал мимо деревни в потемках – и вся недолга. Слушайте вы больше эту ведьму – ей лишь бы к нам в карман лапу свою загребушшую запустить поглубже, вот и морочит голову простому люду! Не верьте ей, расходитесь по домам и ни о чем не тревожьтесь!

– Расходитесь-расходитесь, – мрачно поддакнула ведьма, проталкиваясь сквозь толпу. За ней послушно семенил живой и здоровый Полот. – Только учтите: загрызень НИКО-

ГДА не пробегает мимо...

Никто не двинулся с места. Разговоры и смех прекратились как по мановению волшебной палочки. Селяне выжидающе уставились на молодую женщину.

– Что делать-то будем, госпожа ведьма? – жалобно спросил староста. – Деревенька наша глухая, до темноты в город не доберемся, помощи ждать неоткуда. Не оставьте без защиты, уж мы потом не поскупимся...

Ведьма пристально посмотрела старосте в глаза. Пронзительный, испытующий и дерзкий взгляд каленой спицей прожег его до самого затылка.

– Не оставлю, – наконец вымолвила она. – Но еще один такой умник с теорией заячьей относительности – и я снимаю с себя всякие обязательства!

* * *

Я не стала уточнять, что дневной свет загрызною не помеха. Петушиное пение не спасало людей от напасти. Пока в деревне остается хотя бы один человек, тварь не уйдет из округи. Будет кружить, выжидать, подкарауливать. Пока не добьется своего.

И тут, словно в подтверждение моих предыдущих слов, из леса, едва темнеющего сквозь метель, донесся леденящий душу вой. Несколько человек упали на колени, закрывая руками уши, заголосили бабы, тревожно всхрипнула Смолка.

Целая стая голодных волков не смогла бы вселить в человека такой ужас, как этот одинокий, быстро оборвавшийся звук, больше похожий на предсмертный вопль.

* * *

Загрызень. Так окрестили это ужасное существо еще во времена Противостояния, последней магической войны. Оно не было нечистью в прямом смысле слова, ибо нечистые силы не имели никакого отношения к его появлению на белом свете. Над созданием химероида кропотливо трудились лучшие маги-ренегаты. Безграничная кровожадность, неутомимость и достойная человека хитрость, практическая неуязвимость в сочетании с чудовищной силой, абсолютное подчинение создателям и способность к размножению без спаривания делали загрызня опасным противником не только для трусливых селян, но и для выдавших виды боевых магов.

Во время Противостояния, когда Белория разделилась на две охваченные войной половины, каждая из которых стремилась стать целым, не гнушаясь никакими средствами, загрызней напускали на бежавших в леса повстанцев-селян. Очень скоро охотников до вольготной чащобной жизни значительно поубавилось. Когда ренегаты были повержены, осиротевшие, сбитые с толку загрызни разбежались кто куда. Еще не один десяток лет они представляли угрозу, сравни-

мую разве что с эпидемией чумы, выкашивая не деревни – целые области.

Насколько, я знала, за последние пятьдесят лет загрызней видели трижды, всех – на юге страны. До сегодняшнего дня считалось, что север очищен от них полностью, и лишь в страшных сказках нет-нет да мелькало упоминание об огромном невидимом волке размером с лошадь, клыкастом, как медведь, и когтистом подобно рыси.

А еще я помнила, что эти три загрызня убили четверых магов, прежде чем отойти в область легенд и преданий.

* * *

Ведьма ненадолго задумалась.

– Есть у вас какое-нибудь общественное заведение попросторнее, чтобы все поместились? Ну, корчма там, постоянный двор, амбар, что ли?

– Храм разве что... – несмело предположил староста. – Только он заколоченный стоит с тех пор, как божий служитель в город убег, книжек смутных начитавшись. Решил ереси, сиречь искусству магическому, учиться.

– Ведите!

При виде храма, мимо которого он, не задумываясь, проходил по семь раз на дню, старосте стало стыдно. Стены облупились, крыльцо провалилось, на венчавшем купол кресте свила гнездо сорока.

Впрочем, ведьму больше интересовала толщина стен и дверных створок. Под ее командованием доски с двери оторвали, окна оставив как есть. Бегло осмотрев храм изнутри, ведьма осталась довольна и велела заходить поодиночке, сама став при входе.

* * *

Ха-ха, удивляюсь, что в деревне не завелось чего похуже загрызня! Чего стоил хотя бы изъеденный мышами амвон, светившийся подобно решетку! Стены заволкло паутиной, как в замке с привидениями, а пыльные образа вполне могли сыграть роль фамильных портретов. Для полноты картины не хватало только летучих мышей под потолком.

Как бы горячо маги ни отрицали религию, сколько бы ни утверждали, что она не что иное, как «мандрагора для народа», факт оставался фактом: при равных условиях упырь или стрыга всегда выбирали человеческое селение «без креста», то есть подъезды к которому не охранялись вкопанными на обочинах деревянными крестами.

* * *

Первым счастливицам удалось занять места на длинных лавках, опоздавшим пришлось садиться на пол. Факелы ни-

кто не гасил, и вскоре сквозь неплотно заколоченные окна стало пробиваться зловещее красное сияние, словно я собирала народ не в укрытие, а на черную мессу.

– Тетя ведьма! – Линка требовательно дернула меня за подол. Я недоуменно уставилась на нее: за дверями оставалась еще добрая треть людей, но я точно помнила, что Линкина мать вместе с двумя старшими дочерьми уже прошли в храм.

– Ты что тут делаешь? А ну, марш к маме!

– Не хочу, там душно и плохо пахнет! – пискнула девочка, лукаво поглядывая на меня снизу вверх.

– Тогда стой рядышком и никуда не отходи, – приказала я, решив не отвлекаться на отлов и возвращение Линки в лоно храма.

– И на шажок нельзя?

– И на полшажка! – отрезала я. – Куда с козой?! Ты бы еще корову приволок, дурень!

– А че, можно? – с надеждой спросил великовозрастный парень туповатого обличья. Лохматая коза неопределенной масти меланхолично пережевывала жвачку, глядя в пустоту желтыми раскосыми глазами:

– Никакой живности, кроме двуногой! Живо в храм, не задерживай очередь!

– А с козой че делать?

– Привяжи к забору, потом заберешь.

– А вдруг скрадет кто? – насупился парень.

Чей-то ехидный голос из толпы доходчиво объяснил пар-

ню, что рога, которые останутся от козы к утру, понадобятся разве что старьевщику.

– Без козы не пойду! – заупрямился парень. – Пущай с козой, ведьма, имей сострадание к животине, она ж, говорят, тебе родственница самая что ни есть ближайшая!

– Что?! – вознегодовала я. – Чья родственница?! Да ты на себя посмотри... свояк по мужской линии!

Живая очередь заволновалась; всем хотелось побыстрее очутиться под защитой храмовых стен, и на незадачливого скотовладельца обрушился шквал ругани и упреков.

Коза продолжала жевать, часто подергивая куцым хвостом.

– Тетя, отгадай загадку! – Звонкий голос Линки перекрыл шум свары. – Без ножек, а ножками ходит!

Селяне как-то разом присмирели, парень с козой отошел в сторону, видимо надеясь проскользнуть с ней в самом конце.

– Ну тетя ведьма! Отгадай загадку! – не отставала Линка, дергая меня за подол, как юродивый – за веревку колокола.

– Не знаю, – буркнула я, только чтобы отвязаться.

– Я тоже не знаю, – вздохнула девочка. – Думала, вы знаете... Вон оно!

Линка торжествующе ткнула варежкой куда-то вбок.

На нас бесшумно надвигались трехпалые следы.

Если бы ведьма приказала селянам от всей души предаться панике, ей и то не удалось бы добиться такого беспрекословного повиновения. Оставшиеся за порогом женщины подняли истошный крик, ему вторили приглушенные вопли изнутри. Очередь стянулась в бушующую толпу, беспорядочно ломящуюся в храм.

Ведьма отскочила в сторону, подхватив на руки Линку – иначе бы их просто-напросто раздавили. Староста, чей пост обязывал пропустить всех односельчан вперед, не то чтобы оцепенел, скорее, обрел некое леденящее спокойствие. Стоя чуть поодаль от двери, он наблюдал за происходящим, не зная, чему больше удивляться – то ли буйству нечистых сил, то ли своему мужеству.

Невидимое существо, сообразив, что добыча скоро исчезнет из пределов его досягаемости, перешло на размашистый бег – теперь отпечатки появлялись парами, далеко друг от друга.

Ведьма, выпрямившись во весь рост, чертила в воздухе чародейские знаки. Загрызень мчался прямо на нее.

Староста так толком и не понял, когда заклинание было сплетено и пущено в ход. Не было ни эффектных молний, ни громовых раскатов – только глухой удар.

Раздался короткий визг, сменившийся тонким поскулива-

нием, невидимое тело отбросило назад и боком прокатило по снегу, распахав широкую полосу. Почти сразу же загрызень вскочил на лапы. Страшно ожидать опасности из ниоткуда, но еще страшнее видеть висящую в воздухе, едва намеченную комками снега половину тела огромного волка с невероятно вытянутой мордой. Тварь встряхнулась и снова исчезла.

Ведьма подобралась, выставила вперед чуть тронутые свечением руки, но загрызень одним прыжком развернулся и помчался к лесу.

Тяжело дыша, ведьма бросила взгляд на храмовую дверь. Несмотря на волнение, искажившее ее черты, ей было отчего улыбнуться.

Поскольку желающих проникнуть в храм оказалось куда больше, чем позволяла ширина проема, все паникеры так и остались снаружи, разве что изрядно намяли друг другу бока.

* * *

Плохо, ужасно, отвратительно!

Я была очень недовольна собой. Примитивный силовой удар на уровне рефлексов застигнутой врасплох адептки седьмого курса – первое, что пришло в голову, – только навредил. Теперь тварь будет вести себя куда осторожнее, а силы, потраченные на генерацию заклинания, мне бы еще ох

как пригодились.

– Да хватит вам бока мять! – досадливо сказала я. – Все уже, все. Можете не торопиться.

Свалка у дверей постепенно прекратилась, пристыженные селяне, охая и потирая поясицы, восстановили некое подобие порядка.

– Тетя ведьма, а что это было? – Линка порывалась бежать к подтопленному заклинанием снего, но я надежно удерживали ее за концы длинного шарфа.

– Собачка.

– Ой, а можно ее погладить?

– Нет, это чужая собачка, не надо ее трогать, хозяин рассердится.

– А если я его очень-очень попрошу?

Я только вздохнула.

Последний селянин скрылся в храме, и дверь тут же хлопнулась, дребезгнув засовом.

– Эй, не так быстро! – метнувшись к двери, я стукнула по ней кулаком. – Регета, заберите своего ребенка, пока я не передумала!

Жалобное козье блеяние было мне ответом.

– Если... Вы... Сейчас же... Не откроете, – я тщательно разделяла слова вескими паузами, – то от вашего последнего пристанища останется один каркас, и тот обугленный!

Изнутри тоненько завывали от страха, завозилась, зашуршали, и надломанный страхом старостин голос спросил сквозь

дверь:

– А кто это говорит?

– ...! Я говорю!

– Побожись! – сурово потребовал староста.

Я выругалась так грязно и замысловато, что он поверил.

Дверь приоткрылась узкой щелью, в лицо пахнуло теплом и едким дымом факелов. Слышно было, как Регета, проталкиваясь к входу, слезно умоляет вернуть ей дочь.

– Линка! – Я оглянулась и застыла на судорожном вдохе – ребенка давно уже не было рядом; девочка неторопливо брела по следам загрызня в сторону леса и успела отойти довольно далеко. На мой возглас она оглянулась, помахала выпачканной снегом варежкой.

– Линка, вернись! – спотыкаясь в сугробах, я побежала вслед за малышкой.

Снег прекратился, небо просветлело узкой полосой, даже ветер стих на время. Наступила тишина, словно перед бурей.

Ошеломленная моим истошным криком, девочка застыла как статуя. Она не шелохнулась, даже когда я со всего размаху упала перед ней на колени, поскользнувшись на мокром снегу.

– Тетя ведьма, что-то случилось? – осторожно поинтересовалась Линка, обнимая меня за шею.

– Ничего, детка. Все в порядке. Я просто за тебя волновалась.

Через Линкино плечо я смотрела на одинокую цепочку

убегающих вдаль следов.

Что-то было не так. Что-то неправильно.

Треугольная подушечка лапы. Три пальца. Три длинные черточки когтей.

Четыре.

Еще одна черточка мягко легла на снег.

Загрызень возвращался хвостом вперед по собственным следам.

* * *

Как он догадался, что я его засекала, ума не приложу!

Не успела я поднять руку, как в воздух полетели комья снега, отброшенные задними лапами твари, и загрызень, петляя, понесся к лесу, как застигнутый в курятнике лис.

– А чтоб тебя!

Я встала, подхватив Линку на руки и попутно наложив на себя защитный контур, предупреждающий об опасности на расстоянии до ста локтей. Конечно, сто локтей для загрызенья – это четыре прыжка, но все лучше, чем ничего.

Дверь, естественно, снова была заперта, но, когда я пнула ее ногой, почти сразу распахнулась – Линкиной матери удалось пробиться к выходу, она и отодвинула засов, тут же приняв у меня ценный груз.

– Ну, теперь все собрались? – Вопрос был отчасти риторическим, но мне хотелось его задать, чтобы услышать хоть

одну добрую весть за этот день.

– Все!

– Только один дяденька ушел. – Линка не утомилась даже на руках у матери, ловко уворачиваясь от ее лихорадочных поцелуев. – В большии-их лаптях!

На белом снегу отчетливо выделялись глубокие отпечатки плетеной обуви. В отличие от сотни других, их владелец бежал не в храм, а прочь от него. Определенно, я выбрала плохой день для риторических вопросов.

– Чьи следы? – повысила я голос. – Чьи следы, я спрашиваю?!

– А мельника с Кутькиной запруды, что с утра по зерно приезжал! – беззаботно откликнулся парень с рогатой «родственницей». – Он со мной при входе стоял, а как страховидло углядели, я в храмину скоренько – шась! – а он ка-а-ак даст деру!

Я мысленно застонала. На колу мочало, начинай сначала! Запас дураков в деревне Замшаны превосходил самые смелые ожидания. Лучше бы я пасла овец. За ними и то легче уследить.

– Из храма никому не выходить! – процедила я сквозь зубы. Зла на них не хватает! – Староста, это вы трясетесь под лавкой? Лучше придвиньте ее к двери, надежней будет. У кого оружие – встаньте у окон. Помните, эта тварь так же уязвима, как любой из вас. Если не струсите и навалитесь всем скопом, отскребать ее с пола придется вместе с доска-

ми. Но это на крайний случай. Сейчас я отправлюсь на ее поиски и когда вернусь...

– А ежели не вернетесь? – испуганно перебила меня одна из селянок.

– А вы за меня помолитесь. Место подходящее, – посоветовала я, захлопывая дверь.

* * *

Следы вывели меня в чистое поле, как нельзя более пригодное для битвы с чудом-юдом из народных сказок. Мельник бежал очень бестолково, по крайней мере никакой логики в его петлянии по сугробам я не обнаружила – куда ни глянь простиралась снежная равнина, где-нигде зачерненная купками тоненьких осинок и низких кустов шиповника.

Он успел отбежать довольно далеко, деревня на фоне остроконечной гребенки темного леса едва виднелась на горизонте, когда следы лаптей причудливо переплелись с цепочкой когтистых отпечатков.

Я остановилась. Лапти и лапы финишировали в кучей рощице из семи-восьми молодых березок да десятка разлапистых, припорошенных снегом елочек. Сквозь редкие стволы можно было разглядеть нетронутый снег по ту сторону рощи.

Амулет давно висел у меня на шее, оставалось лишь зажать его в кулаке. Контур пришлось деактивировать:

эта тварь чуёт магию не хуже свежей крови.

Сколь бы ненадежным заслоном ни были деревья, наметенные вокруг них сугробы не давали мне разглядеть, что происходит в самой рощице. Спустив капюшон на плечи, я прислушалась. Засосало под ложечкой – тихое чавканье и похрустывание ни с чем нельзя было перепутать.

Загрызень убивает всегда одинаково – прокусывая затылок, но самое лакомое для него – требуха, особенно печень. Ее он съедает в первую очередь. Если поблизости можно раздобыть еще свежатины, этим и ограничивается. Хотя бывали случаи, когда от человека оставались лишь бедренные кости.

Я еще немного помялась на месте, обозвала себя трусихой и шагнула вперед, раздвигая ветки.

Труп мельника подергивался на истоптанном, окровавленном снегу, вокруг него в радиусе десяти локтей, как рассыпанные клюквинки, алели на белом единичные капли крови. Невидимый загрызень так увлекся трапезой, что мне пришлось деликатно кашлянуть (ничего лучше не пришло в голову), совершенно напрасно привлекая его внимание.

В последний раз рванув труп, загрызень выпростал морду из зияющей дыры в брюшной полости жертвы, облизнулся. Вымазанная кровью морда была заострена наподобие крысиной, вместо невидимых глаз просвечивал алый снег. Жуткая маска замерла в воздухе на уровне моего лица.

Как ни странно, загрызень не торопился нападать. С любопытством наклонив голову, он разглядывал меня с благо-

душием гурмана, обнаружившего на блюде еще одну устрицу.

– Ну ты нахал! – прошипела я. – А ведь уже сталкивался со мной, знаешь, на что способна...

Вокруг загрызня широким кольцом вспыхнул снег. Словно очнувшись, зверь взвыл, присел на задние лапы, потом начал лихорадочно метаться за чертой пламени, всюду натываясь на огненный заслон. Запахло паленой шерстью.

Амулет в руке нагрелся, завибрировал. Так быстро?! Я надеялась, что мне хватит собственных сил, амулет был лишь подстраховкой. Тварь оказалась куда как сильна, она рвала мое заклятие, как силок из гнилой бечевы.

Взять загрызня на измор не удавалось. Стандартный самозатягивающийся контур, столь эффективный против мгляков и вурдалаков, задержал его, не более. И если не предпринять решительных действий, изморенной окажусь я. Возможности мага ограничены, он не может бесконечно швыряться молниями и сфероидами, и его задача заключается не только в знании и применении заклятий, но и в умении правильно оценить и распределить свои силы.

Хотелось бы себе польстить, но – увы! Я уже истощилась на три четверти. И с каждой секундой промедления список доступных заклинаний уменьшается.

Ждать было некогда.

Закрыв глаза, я нараспев читала один из самых редких и разрушительных экзорцизмов своего арсенала, стараясь

не думать, что произойдет, если я перепутаю хотя бы одну букву, один символ, один штрих витиеватого плетения слов и мыслей.

Не перепутала.

Заклинание сжало мое сердце в острых когтях, огнем пробежало по жилам, превратив меня в единый сгусток силы, содрогнуло легкие в пронзительном крике и рванулось прочь, оставив после себя пустоту и боль.

Рев загрызняя и рев пламени смешались воедино.

И наступила тишина.

Я открыла глаза.

В черном круге лежал желтоватый костяк. Невидимость была свойством исключительно живой материи.

Глубоко вздохнув, я подошла, нагнулась. Прихваченный за глазницу череп глухо лязгнул челюстью. Имея за плечами высшее магическое образование, я не понимала, почему знахари так высоко ценят клыки всевозможных монстров, но без зазрения совести сбывала им свои трофеи. Еще меньше я сочувствовала их пациентам. Будут знать, как обращаться к шарлатанам.

Не успела я сделать и ста шагов, как мне почудилось, будто кто-то смотрит мне в спину. Поддавшись искушению, я обернулась. Никого. Только вновь расшалившийся ветер покачивает еловые лапы да начинает порошить утихший было снег.

Решительно повернувшись, я пошла к деревне. Ноги под-

гибались, руки дрожали. Назойливый взгляд еще немного побуравил мне спину и исчез.

«Нервы ни к лешему», – мимоходом подумала я.

* * *

Несмотря на удачную охоту, я чувствовала себя как-то неуверенно. Впрочем, такое со мной случалось частенько – ведьме, привыкшей всецело полагаться на магию, трудно переносить ее отсутствие, даже зная, что через пятнадцать-двадцать часов магические способности полностью восстановятся. Уже спустя сорок минут я смогу зажечь свечу взглядом, но лишь к утру осмелюсь войти в склеп с недружелюбно настроенным упырем. Впрочем, дружелюбно настроенные упыри мне еще не попадались, за что и поплатились.

Остаток дня прошел без происшествий. Минуло около шести часов, силы потихоньку возвращались, но при одном воспоминании об окровавленной морде загрызня по моему телу пробегала крупная дрожь. Хорошо хоть Смолку согнали с дуба: шестеро дюжих парней принесли и приставили к суку толстое и длинное березовое бревно, по которому Смолка отважилась сойти. Я собственноручно заперла ее на конюшне, проверив засовы.

Староста не поскупился, насыпал полный карман серебра, да еще и пригласил остаться на ужин. Я не преминула воспользоваться приглашением: черный вдовый хлеб с луком

вызывал больше изжогу, чем насыщение. Игнорируя неодобрительные взгляды старостиной жены, я целеустремленно наедалась про запас. Под ногами вертелись хозяйские ребятишки во главе с неугомонной Линкой; они уже успели разбить глиняный горшок с помоями для свиней, свернув на него прислоненный к печи ухват.

В дверь постучали – судя по звуку, рукоятью меча или кинжала.

– Войдите! – охотно отозвался староста.

Дверь распахнулась. Высокий мужчина в черном плаще торопливо миновал порог, на ходу убирая меч в ножны.

– Приветствую, уважаемые, – коротко бросил он, пытли-во скользнув по нашим лицам быстрым оценивающим взглядом. Затравленно сузил глаза, распознав во мне ведьму. Староста привстал с лавки и отвесил поклон, как и надлежит поступать простому селянину при встрече с благородным господином.

Я осталась сидеть, не удостоив вошедшего даже легким кивком.

Я его тоже узнала.

Странно, я считала, что Отлученные живут не дольше обычных людей. Ему же, по самым скромным прикидкам, было не менее ста лет, а на вид не дашь и сорока, разве что волосы заметно тронуты сединой. Видно, наложенные заклятия продолжают действовать и после потери способностей.

Будь на моем месте фанатично преданный нынешнему

Ковену маг, по молодости и глупости считающий себя карающей десницей провидения, – и от вошедшего осталась бы кучка пепла. Я же лишь скользнула по нему равнодушным, презрительным взглядом, как дремлющая на печи кошка при виде неприятного гостя, и вернулась к еде. Не я его судила. Не мне прощать.

Связываться с ним я тоже не хотела.

Быстро определив мою позицию, незнакомец подошел к столу, присел на самый край лавки, подальше от меня.

– Я прямиком из Небродья, – без вступления начал он, глядя на старосту, но явно обращаясь ко мне. – Вчера там объявился загрызень.

– Еще один?! – ойкнул староста. Его жена перестала греметь кочергой, прислушиваясь.

– Нет, судя по всему, тот же. – Незнакомец повернулся ко мне. – Он уже был здесь?

– Но не задержался, – лаконично ответила я, не поддерживая, но и не уклоняясь от разговора.

– Уничтожен вовремя?

– Да.

– Хвала богам! – с неподдельным облегчением выдохнул он, просветлев лицом.

– Что это за Небродье? – поинтересовалась я у старосты. – Село, деревня?

– Куда там! Лесное поселение в три избушки, егерь со взрослыми сыновьями, невестками да внуками.

Страшная догадка заставила меня вскочить с лавки.

– Они все погибли?!

Незнакомец молча потупился.

– Я опоздал... – пробормотал он. – Опять опоздал...

– Сколько их там было?!

– Ну... – Староста закатил глаза к потолку, его жена начала жалостливо всхлипывать. – В том году младший родился... В позатом – двое, у Аллены и Ровии... Когда же это Устюк женился? Весен десять минуло, не меньше...

– Быстрее! – злобно рявкнула я. – Генеалогическое древо оставите для заупокойной службы!

– Девятнадцать человек, – быстро сказал староста, на всякий случай прячась от меня за жениной спиной.

Роковая цифра отдалась во мне похоронным звоном. Я медленно опустилась на лавку, уткнувшись остекленевшим взглядом в обшарпанный бок печи.

– Она поделилась, – медленно сказала я. – Эта гадина успела поделиться!

– Тетя ведьма, а с кем она поделилась? – немедленно потребовала разъяснений Линка.

– Молчи, ребенок! – грозно велела я.

– Ну те...

Линка еще несколько секунд беззвучно разевала рот, потом на ее личике появилось удивленно непонимающее выражение. Девочка сосредоточенно наморщила лобик и попыталась выговорить слово по складам, но из ее рта не вылетело

ни единого звука.

– Во, а говорили – на баб управы не знаете! – одобрительно заметил староста.

Я так мрачно на него посмотрела, что и заклинаний не понадобилось. Поперхнувшись, староста выжидающе уставился на меня.

– Так о чем вы там толковали, госпожа? – робко напомнил он.

За окном снова раздался вой – лютый, голодный, алчный. Его услышали не только мы. В домах вспыхнул свет, в окнах заметались испуганные люди, баррикадируя двери сундуками, стульями, метлами.

Мельник был двадцатым.

После каждой двадцатой жертвы загрызень размножался делением.

* * *

Я перехватила его в сенях, бесцеремонно поймав за спущенный на плечи капюшон.

– Зачем ты пришел, Отлученный? Полюбоваться на свою работу?

– Нет. – Он спокойно высвободил капюшон из моих пальцев. – Я хочу помочь.

– Чем? – Я горько рассмеялась. – Копать могилы? Тебя же лишили дара!

– Меч у меня не отобрали.

– Хочешь умереть героем?

– Я хочу помочь, – упрямо повторил он, глядя поверх моего плеча на клубящийся за дверным проемом снег.

– Совесть замучила? – съехидничала я.

– Да. – Он с вызовом посмотрел мне в глаза. – Но не та, что ты думаешь.

– А у тебя их несколько? Кто бы мог подумать... ловко ты их запрятал, чисто ростовщик серебряные вилки.

– Да ни хрена ты не понимаешь, ведьма! – Развернувшись, он решительно шагнул в метель.

– Что он сказал? – остолбенело переспросила я непроглядную мглу. Снег залетал в сени, тая на земляном полу.

– Он сказал, что вы ничего не понимаете в хрене! – авторитетно пояснила Линка. (Нет, этот ребенок когда-нибудь сведет меня с ума!) – Тетя ведьма, а у моей мамы есть тертый хрен со свеклой! Целая кринка! Я маме его тереть помогала, потому что сестренка сбежала, и кот сбежал, и даже соседка сбежала, которая за солью зашла. А у меня тогда насморк был, вот!

Даже сквозь завывания метели я услышала громкий переливчатый свист. Отстранив с дороги девочку, я, не думая об опасности, выскочила во двор. Ветер сразу же заставил меня согнуться пополам. Метель перерастала в снежную бурю, слышно было, как скрипят, прогибаясь, старые ветлы у колодца и ураган гулко бьется упругим телом в стены до-

мов. Глупый, очень глупый поступок. На две трети лишенная способностей, я была так же беспомощна перед загрызем, как любой из жителей Замшан.

Рядом со мной – о диво! – появился староста с факелом в руке. Пламя то жалось к палке, то отрывалось клочьями и уносилось прочь, неизменно возрождаясь из едва тлеющей искры.

– Что вы делаете? – заорала я, пытаюсь перекричать ветер.

– А вы? – рявкнул он в ответ.

– Что б я знала!

– Ото ж!

Мы снова услышали свист – длинный, призывный.

– Туда! – скомандовала я сама себе, вырывая у старосты факел. – А вы – домой, и хорошенько закройте дверь!

Тот отрицательно помотал головой.

Ночь, метель и мороз начисто отбили у меня охоту спорить с очередным самоубийцей. Упрямо наклонив голову, я пошла на свист, раздвигая плечами тугой снегопад. Староста поплелся за мной.

Мы наткнулись на Отлученного неожиданно, я чуть не выронила факел.

– Что вы тут делаете? – раздраженно крикнул он, обращаясь на свет. – Убирайтесь! Это не ваша охота!

– Ваша, что ли?

– Да!

– Предъявите лицензию!

– Проваливай отсюда, идиотка!

Только сейчас я увидела, что в руке у него снова зажат обнаженный меч.

– Он тебя не узнает! Прошло слишком много времени, управляющие чары давно развеялись!

– У тебя вообще ни единого шанса, ведьма!

– Ото ж!

Староста тонко, по-бабьи охнул, обрывая нашу непринужденную беседу. В трех локтях от него стоял загрызень. Снег, запорошивший его шерсть, белым пухом наметал контуры поджарого тела.

– Ters't! Lokki! – Незнакомец поперхнулся снегом, закашлялся.

Тварь оглянулась на голос, с быстротой молнии развернулась всем корпусом. Верхняя губа приподнялась над черным провалом пасти, на землю капнула нитка слюны.

– Свят-свят! – истово крестился староста. – Чур меня!

Загрызень покосился на него с явным презрением.

– Lerrin dar'en, kert! – Голос Отлученного вновь набрал силу. – Kert, All'adriena!

Загрызень припал к земле, сторбившись для прыжка и перекатывая комья мышц над торчащими лопатками.

– Иди сюда, – властно повторил голос. – Ко мне, Верная!

Она поползла к нему на брюхе, скуля и угодливо виляя хвостом. У самых ног человека перевернулась на спину, подобострастно, с обожанием заглянула в холодные, мертвые

глаза хозяина.

«Я выполнила твой приказ. О, как я старалась, чтобы угодить тебе! Ты доволен мной, Хозяин?»

Свистнул меч.

Тело загрызня изогнулось в судороге и обмякло, медленно проявляясь, только задние лапы продолжали конвульсивно подергиваться, пока белый парок клубился над отрубленной головой.

Сгорбив плечи и понурившись, человек медленно развернулся и нетвердыми шагами пошел прочь. Меч в опущенной руке истекал черной кровью, прожигавшей дорожки в снегу.

– К-к-как он эт-т-то с-с-сделал?! – К старосте наконец вернулся дар речи – правда, в довольно жалком состоянии, изрядно подпорченный заиканием.

Я молчала, глядя, как остекленевшие глаза загрызня заволакивает быстро тающими хлопьями снега, словно слезами.

– Да кто он, леший возьми, что эта проклятая тварь побегала к нему, как собачонка?!

– Хозяин, – коротко ответила я.

– Отлученный? – сообразил староста. – Один из тех проклятых некромансеров, что затеяли последнюю войну? Да что же вы молчали, госпожа ведьма?! Люди!!! Ловите его! На костер! На кол его, лиходея!

Вздохнув, я провела рукой в воздухе.

Заклинание действовало одинаково хорошо и на болтливых баб, и на чрезмерно крикливых мужиков.

Да и вряд ли кто-нибудь осмелится выйти из дому до утра. Хотя бы потому, что оттащить от дверей всю имеющуюся в доме утварь, от шкафов до подушек (наиболее ретивые и испуганные наверняка сумели придвинуть к ней даже кирпичную печь), – дело непростое.

* * *

На подоконнике стояла зажженная свеча, прилепленная воском к маленькому глиняному блюдечку. В окно, как замерзающая птица, бился снег.

Староста угрюмо посапывал над полупустым стаканом. Он никак не мог простить ведьме, что по ее вине упустил убийцу-некромансера. Вместе с тем он был рад, что ведьма осталась ночевать в его избе. Не многие из его односельчан смогут похвастаться крепким сном этой да и следующими ночами. Староста хмыкнул в бороду, подумав, что ведьма небось тоже мечтает выспаться, иначе не сбежала бы от Рететы с ее непоседливой дочуркой.

– И все-таки зазря мы егопустили, – не выдержал староста. – Кто его, упыря, знает – вчера загрызня на людишек напустил, завтра еще чего-нито удумает. Кончать его надо было, и весь сказ.

Ведьма равнодушно крошила в тонких пальцах подгоревшую корку хлеба. Староста уже решил, что не дождется ответа, когда она подняла голову и впиалась в него своим колю-

чим взглядом.

– Что было вчера, вы точно не знаете, что будет завтра – тем более. А сегодняшний день не стал для нас последним лишь благодаря проклинаемому вами «некромансеру» – кстати, магистру белой магии. Думаете, ему легко было так поступить?

– Убить загрызня?

– Убить единственное преданное существо, когда против тебя – весь мир.

– Ну вы и сморозили, госпожа ведьма! – расхохотался староста. – Нашли по кому горевать! Это ж загрызень! А не дай боги, вас бы сожрал, что бы вы тогда запели, а?

* * *

Не отвечая, я смотрела в окно.

Поверженных магов не уничтожили. Их лишили магических способностей и отпустили на все четыре стороны. Некоторые сами покончили с собой. Некоторых четвертовал или сжег озлобленный народ. Единицам удалось скрыться, возможно, даже оставить после себя учеников – Ковен не искал их, не преследовал. Словно чувствовал себя в чем-то виноватым, хотел забыть, навсегда вычеркнуть из своих летописей эту позорную страницу.

Не нам судить, кто был прав и кто виноват. Историю пишут победители. Побежденные уходят в вечность с клеймом

отступников и тиранов.

Где-то там, в холодной снежной мгле, брел человек, однажды совершивший ошибку.

Я не была уверена, что однажды не окажусь на его месте.

* * *

Утро выдалось ясное, но морозное. За ночь намело сугробов вровень с крыльцом, ветки деревьев обросли белой шерсткой инея, искрившейся под солнечными лучами. Одинокий заячий след лихо петлял под самыми окнами избышек.

На дубу сидело что-то большое, черное, шевелящееся.

Староста протер глаза.

Воронья стая с самодовольным карканьем снялась с веток.

Умысел и домысел

Повсюду, куда ни глянь, искрилось на солнце, полыхало холодным белым светом, проблескивало колючими лучиками зимнее царство льда и снега. Еловые лапки оторочила сосульчатая бахрома. Снег подернулся коркой, дорога обледенела, превратилась в сплошной каток – рай для ребятни и ад для всадников.

В лесу лошадь еще могла пройти, держась кромки снега вдоль заиндеветшей тропы, но стоило мне выехать на опушку, как стало ясно, что сегодня мы со Смолкой окажемся единственными путешественниками на этом тракте. Начиная с опушки, дорога резко ныряла вниз, под горку, и урони я сапог, он беспрепятственно доскользил бы до колодезного журавля у самого въезда в деревню – то ли Прилуки, то ли Разлуки, то ли Разводы, я никак не могла запомнить ее название, хотя уже пару раз проезжала мимо. В мои планы не входило задерживаться тут и сегодня – я рассчитывала попасть в село Кружаны до наступления темноты, и пока что путешествие проходило без сучка и задоринки: ярко светило солнце, ветра не было, туч тоже, легкий приятный морозец не усиливался, но и не спадал.

– Давай, Смолка, – велела я, чуть касаясь острыми каблучками антрацитовых боков лошади.

Смолка всхрапнула и пошла вперед, скрипя по льду ког-

тями. Я оглянулась. На льду позади нас оставались длинные глубокие царапины в ореоле голубовато-белой крошки. Зад лошади подозрительно задрался вверх, Смолка припала на передние ноги, используя их как тормозные рычаги. Эх, зря я не спешила перед спуском... это же все-таки не низкие сани, а довольно рослая и упитанная лошадь; хорошо, если у нее просто разъедутся ноги, а вдруг она завалится на бок, подмяв всадницу?

Обошлось, под горой, на расчищенной от снега дороге, Смолка выровнялась, когти сомкнулись, приняв форму копыт.

Никто не видел, как мы скользили по склону, никто не вышел нас встречать. Домишки бодро дымили трубами, куры, зябко поднимая лапы, бродили по снегу, выклеывая примерзшие крошки.

Оранчица – так называлась деревня, о чем вешала шильда на въезде. Хм... неудивительно, что я никак не могла ее запомнить. Возможно, корень слова был позаимствован из другого языка, в белоруском я ничего подобного припомнить не могла. Мы успели проехать ее насквозь и выбраться за околицу, когда Смолка, а затем и я насторожили уши, пытаясь разобраться, откуда доносится крик, имеющий к нам самое непосредственное отношение.

– Госпожа ведьма! Э-ге-гей! Стойте! – Источником звука оказался паренек лет тринадцати, вылетевший из крайней избы в спадающих штанах, исподней рубахе и лаптях на босу

ногу. – Погодите!

Я натянула поводья. Подождала, пока паренек поравняется со мной.

– Ну, что тебе?

– Помощь ваша срочно требуется! – выпалил он, едва отдышавшись.

– А что случилось-то?

– У нас упырь завелся! – гордо сообщил-похвастался мальчишка.

– И многих порвал?

– Трех, больше не успел! К нам рыцарь приехал! Он упыря убить пообещал!

– А я тогда при чем?

– Так не убил!

– Пожалел? – скептически фыркнула я.

– Да нет! Не сумел он упыря одолеть!

– Ага, поняла. И теперь вы хотите, чтобы я исцелила этого горе-упыребая?

– Эге! И упыря тоже! – подтвердил паренек, начиная клацать зубами от холода.

Я заинтересованно откинулась на заднюю луку седла, скрестила руки на груди.

– Что-что, а упырей мне исцелять не доводилось!

– Нет, только рыцаря, упыря убить!

– И серьезно он ранен?

– Нисколечки, госпожа, ни единой царапины!

– Не тараторь, давай по порядку, а то я уже совсем запуталась. Что с рыцарем? И что с упырем?

– Ну, упыри – они же на кладбищах водятся и по ночам из могил вылазят, так?

– Самое распространенное заблуждение. Продолжай.

– Так вот, рыцарь снарядился и пошел на кладбище ночевать, а ночью мороз ударил, он и замерз мало не до смерти. Утром мы с ребятами пошли посмотреть, значит, кто кого порешил, а его уж снегом занесло, только шишак с пером из сугроба виднеется...

Взрыв дикого хохота смутил паренька – он умолк и подозрительно пригляделся к согнувшейся пополам ведьме. Смолка неодобрительно фыркнула, оборачиваясь назад, чтобы проверить, все ли в порядке с хозяйкой.

– Откопали? – поинтересовалась я, все еще подхихикивая.

– Откопали и салом с водкой растерли, только он, похоже, руки-ноги поморозил, пальцев не чувствует. Как бы гниль горячечная не приключилась!

В Кружанах меня ждали неотложные дела, я должна была быть там не позже завтрашнего полудня, а лучше – утром. Я взглянула на солнце. Пожалуй, удастся выкроить часок-другой, день уже начал прибывать, стемнеет не скоро.

– Хорошо, веди. – Я спешила, набросив повод на первый попавшийся колышек. Насколько я знала Смолку, помимо воли ее не удержал бы и столетний дуб, привязь лишь давала

ей понять, что я ухожу ненадолго и следует ждать на месте.

Мальчишка развернулся и припустил обратно к избе. Я неторопливо пошла следом, пользуясь возможностью размять ноги.

* * *

Рыцарь и впрямь был очень плох. Пышущий жаром, как раскаленный уголь, он лихорадочно блуждал полубезумным взглядом по обшарпанной комнатушке. Пальцы рук и ног опухли и почернели под ногтями. Крайняя степень обморожения, чего и следовало ожидать.

Я без промедления приступила к целительству. К счастью, совсем недавно я обновила дорожный запас снадобий, и среди них нашлись подходящие настойки. С помощью трав и магии мне худо-бедно удалось остановить воспаление и сбить жар. Конечно, рыцарь еще не скоро встанет на ноги и сожмет в руках меч, но ампутация ему уже не грозила. Оставив два флакончика на столе и приложив к ним рецепт, я сгребла в сумку остальные, приняла от хозяина условленный кладень за лечение и уже собиралась покинуть избу, как вдруг рыцарь открыл глаза.

– Что... что случилось? – с трудом прохрипел он, осматриваясь по сторонам.

– Да ничего особенного, – равнодушно ответила я, зашнуровывая сумку. – Попытка взять упыря измором увен-

чалась гангреной, но благодаря мне у вас опять появились шансы положить его в честном бою, если, конечно, выберете для ночных бдений более теплое время года.

– А... это еще не самое плохое. – Больной с тяжелым вздохом откинулся на подушку,

– Хм. А что, с вашей точки зрения, может быть хуже? – Я аккуратно завинтила флакончик темного стекла, обмотала тряпицей и убрала в сумку.

– Навара в деревне, – обреченно выдохнул рыцарь. – Он все видел... Это конец... я погиб...

С этими словами больной погрузился в забытие, оставив меня наедине с двумя противоречивыми чувствами. Одним из них было страстное желание бежать из деревни куда глаза глядят, причем немедленно и пока хватит сил. Вторым была моя профессиональная гордость. Бежать? Мне, магу-практику первой степени? От Навары?! Позор!

Навару я знала хорошо. Пожалуй, слишком хорошо... Доводилось сталкиваться. Слава богу, тогда я еще не являлась объектом его травли – Навара просто не считал меня достойным противником. С тех пор многое изменилось; возможно, в худшую сторону, не спорю.

Итак, Навара. Если верить слухам, обнищавший дворянин, невесть кем и когда посвященный в странствующие рыцари.

На рыцаря он походил меньше, чем я на монашку, как внутренне, так и внешне. Навара достигал мне в луч-

шем случае до бровей, но компенсировал недостаток роста избытком веса, обладая плавно-округлой фигурой гурмана. Черные тонкие усики, борода-эспаньолка жидким клинышком, стилизованная под козью, зачатки плечи, отороченные длинными волосами, собранными в хвостик на затылке, – складывалось впечатление, что Навара дал обет носить облик шута до победы над кровожадным драконом, спасения принцессы или иного благородного деяния. К сожалению, благородные деяния не являлись смыслом его жизни.

Наварой в его крестовом походе двигала черная зависть.

Как падальщик, этот гнусный тип шел по следам героев, выспрашивал, вынюхивал и распускал сплетни, до того логически продуманные и изощренные, что развеять их не было никакой возможности. Раен Дольский, превосходный лучник и фехтовальщик, способный голыми руками задушить вурдалака, с удивлением узнал, что страдает нервным тиком, и потому нанимать его нельзя ни в коем случае – непременно провалит задание. Далене Топаз, моей бывшей однокурснице, закончившей Школу Чародеев с отличием, предъявили обвинение в шарлатанстве. Кивру Ружанскому во время приема в королевском дворце подали копченых жаб на золотом блюде с искренним убеждением, что единственной пищей этого отшельника и аскета являются земноводные.

Все трое безуспешно искали Навару уже несколько лет. Кивр, по воле случая разделивший со мной обильную трапезу в городском трактире, клялся, что единственной жабой,

которую он съест в своей жизни, будет Навара, причем коптить его Кивр будет собственноручно.

Я подозревала, что именно с лёгкой руки Навары прослыла «самолюбивой, безжалостной стервой, зело падкой на деньги». Во всем этом были свои положительные стороны – дурная репутация автоматически повышала начальную ставку моего гонорара, но она же значительно поубавила число работодателей. С некоторых пор ко мне обращались лишь в самых безнадежных случаях, когда все остальные маги-наемники сказали решительное «нет». Потому я и предпочитала работать в глухих, оторванных от суетного мира деревушках, куда еще не дотянулся длинный язык Навары.

– Госпожа ведьма, – прервал мои печальные размышления хозяин избы. – А как же насчет упыря? Мне энтот милсдарь обещал его прикончить, а теперича и сам свалился, и работы не выполнил. Может, вы возьметесь? Мне-то без разницы, кому платить...

– Вам-то, конечно, без разницы, но я, к сожалению, профессионал высшего класса...

– Дык оно и лучше!

– ... и у меня своя тарифная сетка, – закончила я.

– А у меня теща, – мрачно сказал мужик, – была, упыриное чрево ей пухом. Прямо сказать, слезами по ней никто особо не истекал, поскольку баба была еще та, но мой, зятя, прямой долг оказать ей хоть какое уважение, иначе же на со свету сживет. А меня на тот свет не шибко тянет, к те-

ще-то. Вот и означил я награду за упыря – наследство покойной, что в чулке под ее кроватью схоронено было. А из своего кармана я за тещу платить не намерен, уж извиняйте. Она мне при жизни больше крови, чем тот упырь, попортила.

– И много теща прикопила?

– Что-то около двадцати кладней мелочью, я точно и не считал.

Двадцать золотых меня вполне устраивали. Не бог вещь что, конечно, но, кабы не спешка, возможно, его предложение меня бы и заинтересовало.

Я вынуждена была отрицательно покачать головой.

– Нет. Извините, но у меня нет времени, и двадцатью кладнями задержка не окупится. Поищите кого-нибудь другого на роль доблестного борца с тьмой.

– В харчевне еще один рыцарь остановился, Наварой кличут, – солидно сказал мальчишка. – Рассказывал вчерась, как упырей умерщвлять надобно, – слезами девичьими горючими. Зря его милсдарь Ревер не послушался – он тоже в харчевне сидел, пиво пил, а как услышал Наварин сказ, аж в лице изменился, зубами заскрежетал и глаголет: «Вы, мол, не слушайте его, потому как энтот Навара суть великий трус и обманщик, единственно языком воевать горазд, а упыря токо в бадейке видал, когда за водой нагинался!»

– А вы, госпожа ведьма, что скажете? – обратился ко мне хозяин. – Сумеет он упыря изничтожить или только бахвалится?

Я собиралась разразиться гневной обличающей речью в адрес «рыцаря», но внезапно возникшая идея заставила меня прикусить язык.

– Возможно, Навара и любитель приврать, – осторожно сказала я, – но с мечом обращаться умеет. Давайте сделаем так: я осмотрю кладбище – скажем, за пару кладней, – обнаружу упыриное логово, но, поскольку мне надо спешить в Кружаны, ночи дожидаться не буду, а дам Наваре подробные инструкции, он упыря и уложит. Ему же и заплатите.

– По рукам, – без колебаний согласился хозяин. – Пойду с ним поговорю.

– Но мы ведь еще не знаем, с чем имеем дело. Сначала надо осмотреть захоронение. Я сама поговорю с Наварой, чуть попозже. Пусть только ваш сын покажет мне дорогу к кладбищу.

– Я и проводить могу! – охотно вызвался мальчик.

– Сиди дома! – прикрикнул на него отец. – Бабушка уже допровожалась...

* * *

На кладбище было... холодно, только и всего. Солнце плясало на кольях оградок, могильные плиты притаились под шапками снега. О нечисти, упырях тем паче, речи даже не шло. На редкость спокойное захоронение. Я гуляла по дорожкам, как по аллеям в городском парке, рассматривая

памятники и дыша свежим воздухом, пытаюсь угадать, в каком сугробе скоротал ночь мой пациент.

Почувствовав назойливые уколы мороза в ступнях, я решила, что с лихвой отработала свои два кладня, и повернула к воротам. Выйдя за ограду кладбища, я наткнулась на знакомого мальчишку.

– А ты что тут делаешь?

– Посмотреть охота... – признался паренек. – Ну как, нашли упыря?

– Нашла, – солгала я.

– А чего тихо так было?

– Потому что днем упырь спит в своей могиле глубоко под землей. – Все-таки иногда суеверия играют нам на руку. Мальчишка принял мое объяснение за чистую монету, не интересуясь, как мертвяк еженощно выбирается на белый свет сквозь пятиаршинный слой мерзлой земли и могильную плиту. – Проводи меня в корчму, надо поговорить с Наварой.

– Идемте, – согласился мальчик. – Он-то о вас уже всюю разговаривает с самого утра. Мол, та самая...

– Что?! Поподробнее, пожалуйста!

Та самая... Навара провел неплохую работу! Оказалось, я ворую маленьких детей, испепеляю храмы, вымогаю деньги у сырых, обижаю убогих и ничего иного не умею, как только снимать порчу и сглаз, мною же наведенные.

– Трепло репейное, – ругнулась я сквозь зубы. – Хоть бы что новенькое выдумал.

– Так он не взаправдашний рыцарь? – неподдельно огорчился мальчик. – А так здорово сказывал, как с чудищами бился! Вот бы, думаю, в деле поглядеть...

– Поглядишь... – пообещала я мальчишке. – Ох как мы все на него поглядим... Только мне от тебя потребуется небольшая услуга. Доведешь меня до корчмы – и стрелой лети домой, попроси у отца... – Я наклонилась и прошептала мальчику на ухо несколько слов. – ...и сразу принесешь ее мне. Понял?

– Понял, госпожа ведьма. Есть у нас одна такая, ну вовсе никудышная, батя столько раз выбросить собирался, да все руки не доходили.

– Вот и молодец. Пошли.

* * *

Не заметить Навару в переполненной корчме было трудно. Облокотившись на стойку, окруженный простым людом и жбанами с пивом, он витиевато разглагольствовал о застойных явлениях в мировой науке и магии. До меня доносились лишь обрывки его маловразумительных, зато высокоинтеллектуальных речей: «...ибо, по своему скудоумию, они никогда не смогут подняться до понимания качественного уровня...» Все внимание ничего не понимающих, но восхищенных слушателей было сосредоточено на иноземном госте, но сам оратор был начеку.

– О нет! – притворно застонал Навара, увидев меня. – Бедный Ревер! Неужели вам не удалось отыскать настоящего знахаря?!

– Кто ж в такую погоду из дому нос высунет? – резонно заметил мальчишка. – Хвала богам, ведьма мимо проезжала! Она милсдаря Ревера живо на ноги поставит!

– Что ж, дай боги. – Навара сочувственно покачал головой и отхлебнул из кружки, посверкивая на меня глазами из-за ее глиняного края.

– Приветствую, досточтимый Навара! – елеиным голоском пропела я, провожая взглядом убегающего мальчишку. – Как ваше драгоценное здоровье?

«Рыцарь» опустил кружку, обнажил в улыбке два ряда крупных белых зубов и издевательски поклонился:

– Вашими молитвами, госпожа ведьма, исключительно благодаря вам я нахожусь в столь добром здравии!

– Рада слышать. Ну что новенького на ниве слухов? – как можно более приветливо продолжала я, присаживаясь за угловой стол. – Как ваши успехи? Сколько репутаций вы загубили в этом году? Чья голова пополнила коллекцию ваших трофеев?

Навара еще раз улыбнулся, неопределенно пожал плечами, не принимая открытого боя, и вернулся к прерванному разговору с собутыльниками. Красотка-разносчица приняла у меня заказ и поспешила на кухню. Когда она проходила мимо стойки, Навара перехватил девицу за локоть и что-то

прошептал ей на ухо, попутно вытряхивая из кошелька серебряную монету. Девушка кивнула, опустила монету в карман передника и пошла выполнять мой заказ. Ждать пришлось недолго, время было обеденное – вся еда была горячая и свежая, приготовленная загодя с учетом наплыва клиентов.

– А это что такое? Я не заказывала! – Я решительно отодвинула в сторону пузатую винную бутылку, оплетенную соломой.

– Это от господина у стойки, – заговорщически прошептала девушка, указывая глазами на Навару.

Я стиснула зубы. Дело в том, что я совершенно не переносила спиртное, очень быстро хмелея и теряя контроль над и без того неуправляемым языком. Прекрасно зная об этой особенности своего организма, я никогда не пила напитков крепче наливки, да и той старалась не злоупотреблять – рюмку-другую и довольно. Откуда Навара прознал о моей питейной слабости? Неужели побывал в Варокче? Там я действительно слегка покурлесила под хмельком – первый и последний раз в жизни.

– Верните ему. Хотя нет, лучше заберите себе. Если «господин у стойки» выпьет за мое здоровье, я рискую упасть замертво.

Девушка ничего не поняла, тем не менее поблагодарила за подарок и унесла бутылку обратно на кухню.

Я безо всякого аппетита ковырялась в миске отварного

картофеля с мясной подливой, поглядывая то на дверь корчмы, то на Навару. Усатый проходимец развлекал свою компанию пространным монологом, из которого до меня долетали лишь невнятные обрывки слов, причем то один, то другой из его собутыльников оборачивался, чтобы посмотреть на меня, и заходился хохотом.

Наконец я дождалась своего гонца.

– Вот, госпожа ведьма, принес! – Мальчик поднял над головой лопату на кривом черенке. – Ржавая, как вы и просили.

– Госпожа ведьма решила заняться разработкой золотых приисков? – вежливо поинтересовался Навара.

Не обращая внимания на хохот завсегдатаев, я взяла у мальчишки лопату и, подойдя к Наваре, торжественно вручила-всучила ему орудие копания.

– Зачем она мне? – неподдельно удивился «рыцарь», рассматривая лопату.

– Как это – «зачем»? – Мое удивление было куда более фальшивым. – Выкапывать упыря.

– Что?!

– До полуночи вы должны откопать упыря и окропить его горючими девичьими слезами, этим проверенным веками эликсиром, дабы обратить кровопийцу во прах, – охотно разъяснила я.

В корчме воцарилась гробовая тишина.

– Нет уж, увольте, – Навара попытался вернуть мне лопа-

ту, но я заложила руки за спину и сделала шаг назад.

– Навара, неужели вы не хотите спасти деревню? – притворно ужаснулась я, обводя взглядом битком набитую корчму. – Подумайте о женщинах... детях...

Глядя на испытые, заросшие щетиной лица селян, было очень трудно думать о чем-либо ином, кроме вреда алкоголя, но я достигла своей цели. Толпа заволновалась, зашумела.

– Что ж ты, ведьма, сама к упырю в могилу не полезла? – подозрительно спросил корчмарь. – Чай, твое это ремесло – нежить изничтожать!

– Увы, увы... – Я покачала головой в притворной скорби. – Все, что говорил обо мне этот благородный рыцарь, – правда. Мое ничтожное искусство бессильно против этой кровожадной твари. И лишь вы, Навара, способны избавить от нее мир. Умоляю вас, не отказывайтесь! Не лишайте этих славных людей последней надежды!

«Славные люди» испуганно зашущукались, переглядываясь и подталкивая друг друга локтями. Не давая Наваре опомниться, я сняла со стены плетенку чеснока и надела ему на шею.

– Это принесет вам удачу! Возвращайтесь с победой, благородный рыцарь! – Я позволила слезе умиления скользнуть по моей левой щеке. – Мы будем за вас молиться!

– Госпожа ведьма, я вынужден с прискорбием заметить, что ваше психическое здоровье оставляет желать лучшего! –

Навара отбросил лопату и начал сдирать с шеи плетенку – видеть, разозлился не на шутку.

– Погодь, погодь, лыцарь! – вперед выступил видный рыжебородый мужик, судя по всему – староста Оранчицы. – Ты что же это, отказываешься? Детишек малых на лютую гибель обрекаешь?

– Уважаемый Годеш, при всем моем смирении и долготерпении осмелюсь заявить, что большей чуши из уст ведьмы я не слыхал со времен посещения гадального шатра, где мне предрекли смерть в младенческом возрасте, из коего, как вы могли заметить, я благополучно вышел тридцать лет назад... В связи с чем вынужден откланяться! – раздраженно бросил Навара и начал было проталкиваться к выходу, но селяне сомкнули ряды, как передняя линия щитников на поле брани.

Тоскливо глянув на дверной проем, Навара принял свой последний, безнадежный бой:

– Давайте мыслить логически. Если ведьма не смогла уничтожить упыря, то что могу сделать я, простой смертный?

– Все мы смертны, – улыбнулась я. – Но вы сильный мужчина, а я слабая женщина. Вы превосходно владеете мечом, я же никогда не держала в руках ничего тяжелее ножа для резки хлеба. Колдовство? Закаленная сталь – вот лучший союзник в борьбе с нежитью. Мой удел – порча и сглаз, ваш – доблесть и слава, так давайте следовать велению судеб!

– Скажите прямо – вы трусили! – попытался спровоцировать меня Навара.

– Я струсила, – послушно повторила я, стыдливо опуская очи долу. – Никогда в жизни мне не было так страшно... иначе я не унизилась бы до просьб о помощи. Прошу вас, помогите! На вас вся надежда!

– А не захотит помогать – так мы его на кол! – донесся чей-то мрачный голос из сплоченных рядов трудящихся. Староста одобрительно погладил бороду.

– Да хочу я, хочу... очень хочу! – пошел на попятный Навара. – Вот только вряд ли сумею. Я же не всемогущ. Упыря изничтожить – это, я вам скажу, не кабана заколоть, необходимы специальные знания, опыт, так сказать, навыки убийства...

– Так что ж ты давеча про енто самое убийство весь вечер брехал, честному люду голову морочил? – Мрачный голос принадлежал кузнецу, дюжему детине в длинном кожаном переднике, испещренном черными точками от летящих из горнила искр. – С брехунами у нас разговор короток, без дегтю и перьев ишшо ни один не уходил!

Толпа одобрительно загудела. Стало ясно, что без трупа – упыриноного или Навариного – дело не обойдется.

– Ну хорошо, уговорили, – сдался Навара, поднимая руки в знак согласия. – Откопаю я вам этого проклятого упыря!

«...а ведьму – закопаю!» – явственно читалось в его глазах.

Толпа радостно взревела, в воздухе закувыркались шапки.

– Да здравствует Навара! Хвала отважному рыцарю! Айда

на кладбище! Показывай упыриное лежбище, ведьма!

– А слезы горячие мы вам мигом достанем! – оптимистично пообещал староста. – У бабы слезу выбить – за косу раз дернуть, а девок посадим лук шинковать. Накапают полный жбан, высшего качества!

– Но кол и деготь я все-таки попридержу... – протянул басом явно разочарованный кузнец.

Толпа потянулась на кладбище, как на народное гулянье, – со свистом, гиканьем, шуточками-прибауточками. Впереди шла я с лопатой наперевес. За мной четверо дюжих мужиков несли на руках Навару, чья натянутая улыбка то и дело сменялась гримасой тоскливого отчаяния. По пути к завсегдатаям корчмы присоединились женщины, дети, старики, собаки и даже белый гусь, торопливой развалкой бегущий вслед за людьми. Такой веселой процессии старое кладбище еще не видывало.

– Здесь! – Я воткнула лопату в сугроб. Передние ряды алчущих зрелища селян попятились, Навару спустили на землю.

– Какая же это могила? – недоуменно почесал в затылке староста. – Ни креста, ни надгробья...

– Кто ж ему, кровопийце, надгробье смастерит? – парировала я. – А крест упыри на дух не переносят, сами знаете.

Я специально выбрала свободный от могил участок – не стоит тревожить покой мертвых даже ради увеселения живых. Пусть Навара попотеет, вскапывая скрепленную мо-

розом и березовыми корнями целину.

– Пушай копает, – скомандовал все тот же не улыбочивый кузнец. – Солнце скоро вниз покатится, а земля и без того мерзлая.

Селяне затаили дыхание.

Навара повертел в руках лопату, неуклюже попытался снять ею верхний пласт снега, но ржавое железо лишь скользнуло по толстой корке льда.

– Скажите, уважаемая, а это принципиально, кто будет копать? Может, возьмемся за лопаты всем миром? А там уж я не оплошаю, выйду на упыря один на один.

– Исключено, – мстительно сказала я. – Упырь – это как хлебная опара, его не должны касаться чужие руки, иначе не поднимется.

Женщины одобрительно зашушукались, признавая во мне знатока кулинарных тонкостей. Навара представил поднимающегося из кадушки упыря, смачно сплюнул и тюкнул лопатой по снегу, как ломом. На сей раз ему удалось пробить в ледяной корке узкую щель.

Я посмотрела на солнце. И правда, оно больше не поднималось над горизонтом, заметно кренясь вниз, на закат. Времени оставалось в обрез. Жаль, я так и не увижу, чем увенчается каторжный труд Навары.

– Помните, Навара, ровно в полночь упырь начнет оживать! – зловеще провыла я, стараясь нагнать как можно больше страху на селян. Ветер взьерошил мои длинные рыжие

волосы, в черной глубине зрачков зажглись алые искры. – Сначала он откроет глаза... Потом протянет к вам свои холодные когтистые лапы...

Войдя в роль, я протянула руки к кузнецу и патетически потрясла его за шиворот. Бедолага стоял ни жив ни мертв, его голова моталась взад-вперед в такт моим рывкам.

– ...потом он прильнет к вашей шее... прокусит яремную вену... и начнет пить теплую, сладкую, тягучую, алую кровь!

Кузнеца я кусать не стала, он и без того побелел как простыня и издавал нечленораздельные хрипы, слабо пытаюсь вырваться.

– Так вот, если он сделает все это прежде, чем вы окропите его девичьими слезами, – я разжала руки и аккуратно расправила на кузнеце смятый воротник, – то весь сегодняшний труд пойдет насмарку. Так что постарайтесь не оплошать. Ну что ж, было очень приятно с вами всеми познакомиться, особенно с вами, досточтимый Навара, я навсегда сохраню в памяти теплое воспоминание об этом великом дне. Прощайте, и – успехов!

Я ушла с кладбища, не оглядываясь. Иначе кто-нибудь мог увидеть злобную ухмылку, блуждающую на моих губах.

* * *

Но далеко уехать мне не удалось. Почти сразу за околицей меня снова перехватили – на этот раз посланник от Орсаны

Светокрасы. Лошадка, на которой он ехал, была приземиста, мохнонога, экипирована шипастыми подковами и лишь благодаря этому не поскользывалась на каждом шагу.

– Госпожа ведьма, моя госпожа Светокраса приносит вам свои искренние извинения, как и прочим гостям. К ее огромному сожалению, свадьба откладывается.

– Что, снова поругалась с Роларом? – усмехнулась я. – Замок устоял?

Орсана, очаровательная женщина, в прошлом – наемная воительница, и была той самой причиной, по которой я так рвалась в Кружаны. Помолвка состоялась еще осенью, венчание было назначено на завтра, а сегодняшняя ночь отводилась под девичник, на который я, как подружка невесты, просто не имела права опаздывать.

– Да нет, не ругались, напротив – воркуют, чисто голубки. Молодые-то хоть сейчас готовы под венец, а вот гости подкачали – вы гляньте, какая гололедица вторую неделю стоит. Кто вовсе ехать отказался, кто рискнул, да с крыльца возвратился. Соседи-то придут, да ведь приглашения по всей стране разосланы, некоторым и недели не хватит, чтобы до Кружан добраться. А в самом замке дела и того хуже – каменные лестницы песком ежедневно посыпают, да толку чуть, ведь перед свадьбой такая суматоха да беготня поднимается, что слуги под ноги вовсе не смотрят. Так что сейчас там не замок, а скорбный лазарет. Привратник ногу сломал, кухарка руку. Конюх так головой о поручень ударился, что ло-

шадей не узнает, скакового жеребца от жеребой кобылы отличить не может. Орсана гонцов в разные стороны разослала, велела перед гостями извиняться и по домам их заворачивать. Кому ближе до Кружан, чем до дома, – милости просим, мы гостим завсегда рады, только вот на свадьбу торопиться уже не надо – на три месяца ее отложили, до весны.

Я сказала гонцу, что все-таки приеду в Кружаны, но завтра. Пусть Орсана не переживает из-за покалечившихся слуг, я постараюсь помочь невезучим торопыгам.

Честно говоря, я даже обрадовалась изменению матримониальных планов Орсаны. Меня терзали угрызения совести. Не из-за Навары – из-за упыря. Жители поверили мне, успокоились, ослабили бдительность – а упырь тут как тут, только спасибо мне скажет!

Вспомнив о двадцати кладнях, я окончательно смирилась с отменой свадьбы.

* * *

Вторая половина дня прошла в поисках упыря. Настоящего. Увешанная амулетами, как бродячий пес репьями, я обшарила все окрестные овраги, буераки, разрушенные дома и даже заброшенные волчьи норы. Упыря не было. Учитывая опыт общения с простым народом, я не концентрировалась на слове «упырь», зная, что для селян оно означает любую нежить, упырей в том числе. В лесу жили лесовики, в во-

де водяные, в домах домовые. Упыри пили кровь, вурдалаки ели мясо. Руководствуясь данными этологическими познаниями, я искала нечто странное, кровожадное и острозубое.

И не находила.

Опросила родственников и соседей погибших. За прошедшую неделю упырь потребил одну девочку, одного мужчину и одну престарелую тещу, из чего следовало, что в еде он неприхотлив и справиться может с кем угодно. Все жертвы в момент гибели находились вне зданий, значит, сквозь стены «упырь» проникать не умеет. Поинтересовалась, пропадали ли в деревне собаки, кошки, крупный и мелкий рогатый скот. Нет, не пропадали. По ночам ничего в окна не скреблось, не завывало? И скреблось, и завывало, и стучало, и бухало, и вообще последние двадцать лет никакого покою от нечисти нетути. Есть ли у кого какие подозрения? Подозрений высказалось такое множество, что деревня в их свете выглядела сплошным упыриным козлом.

В общем, толку чуть. Продолжая размышлять о загадочной твари и горько сожалея о невозможности осмотреть трупы – их сожгли, опасаясь возвращения покойных родственников в новом зубастом обличье, – я незаметно для себя вышла к кладбищу.

Отрадное зрелище открылось моему усталому взору. Скинув на землю кольчугу, Навара в поте лица «копал упыря». С нижних веток берез за ним жадно наблюдали серые вороны, изредка перекаркиваясь хриплыми голосами, – очевид-

но, рассчитывали на скорую поживу. Раскопки заинтересовали не только птиц. Мимо кладбища то и дело проходили люди, чтобы посмотреть, как идут дела у отважного упырекопа. Заложив руки за спину, солидно прогуливался староста. Мальчишки – те вообще не слезали с ограды и окрестных крыш.

Вдосталь налюбовавшись мирной картиной зимних полевых работ, я решила поближе ознакомиться с ходом эксгумации.

При виде меня Навара приостановил раскопки, воткнул лопату в снег и оперся о черенок.

– Послушайте, госпожа ведьма, давайте прекратим этот глупый балаган. Вы не хуже меня знаете, что никакого упыря здесь нет.

– Есть, – глумливо заверила я «рыцаря». – Вы копайте, копайте, не останавливайтесь. У вас не так уж много времени. И учтите, за вами бдительно наблюдает вся деревенская ребятня, и не только.

– Зачем вы заварили эту кашу? Что я вам сделал?!

– Упаси боги, Навара, о чем вы? Теперь ваша слава охотника за нежитью разнесется куда дальше моей! Обратите внимание, насколько благородны мои помыслы, в отличие от ваших!

– Так это месть? – догадался «рыцарь».

– Подлая, низкая и гнусная, – охотно подтвердила я.

– Вы мне за это ответите! – пообещал Навара, выдергивая

лопату, из сугроба. – Как вам не стыдно, взрослой женщине, заниматься такими идиотскими розыгрышами? Дали бы хоть нормальную лопату, а не эту жертву сырости и времени!

– Нормальной упыря не откопаешь.

– Это еще почему?

– Он ее отведет.

– Рукой, что ли?

– Нет, силой мысли. Откопаете вместо упыря, скажем, тещу своего работодателя, вот смеху будет! Он с такой радостью ее захоронил, что вряд ли обрадуется вашим археологическим изысканиям.

– Тьфу, и как вам в голову такая ерунда лезет? Вы мемуары не пробовали писать?

– Зачем? Вы великолепно справляетесь с моими мемуарами и без меня.

– Ну можно я хотя бы костер разведу? Земля – как камень!

– В откопке упыря надлежит пользоваться исключительно механическими средствами, – ядовито заверила я.

– Тогда по крайней мере оставьте меня в покое! Вы же вроде куда-то спешили?

– Ради вас, Навара, я готова пересмотреть свои планы.

– Ради вас, госпожа ведьма, я не поленился бы выкопать еще одну могилу, – сквозь зубы заверил меня Навара.

До темноты Наваре удалось пробить-прокопать верхний мерзлый слой земли, и работа пошла быстрее. Горка черной земли вокруг неширокой ямы стала расти на глазах. Какая-то добросердечная девица приволокла на кладбище горшок с горячими щами, и рыцарь мрачно поужинал, сидя на ограде.

Чем выше полная луна поднималась над кладбищем, тем меньше находилось охотников составить ему компанию. Последними посетителями раскопок были мы со старостой.

– Вот вам, господин хороший, слезы девичьи, самые что ни есть горючие. – Староста протянул Наваре склянку сомнительной чистоты, до середины заполненную мутноватой жидкостью.

– Настоящий самогон, – попытался пошутить Навара, но под грозным взглядом рыжебородого осекся и бережно принял сосуд с драгоценной влагой.

– Можете гордиться собой, Навара, – добавила я, выждав, пока староста удалится на безопасное расстояние. – Из-за вас рыдала вся женская половина деревни, включая столетних бабок. Я своими глазами наблюдала, как они полной грудью вдыхали стратегические запасы шинкованного лука.

– Лучше скажите, долго мне еще тут околачиваться?

– До первых петухов. Нет, до третьих, Так оно вернее бу-

дет! – мстительно поправила я.

Навара смачно ругнулся:

– Утром я натравлю на вас всю деревню!

– Утром меня уже здесь не будет, – ухмыльнулась я.

– Госпожа ведьма, я вас ненавижу, – торжественно заявил

Навара, поворачиваясь ко мне спиной и возобновляя раскопки.

– Взаимно, – с достоинством ответствовала я, удаляясь.

* * *

Очень недовольная собой, я долго не могла уснуть.

Где он может быть? Что из себя представляет? Насколько опасен?

В избе было тихо. Хозяева уже улеглись, замолчал наконец младенец в люльке, и качающий его мальчик на цыпочках прокрался к печи и шмыгнул под одеяло. Возможно, я бы и заснула, но очнувшийся Ревер застонал и попросил воды. Я накинула куртку, зажгла свечу и, зачерпнув теплой воды из стоящего на припечке горшка, присела на стул возле кровати больного. Пока он пил, осмотрела свою работу и осталась довольна – опухоль заметно опала, и рыцарь уже немного шевелил пальцами.

– Ревер, расскажите мне про упыря, – попросила я. – Вы его видели?

– Нет.

- А зачем пошли на кладбище? Неужели вы тоже верите в байки о самозакапывающихся мертвецах?
- Я увидел там кровь.
- В смысле жертвы?
- Нет, трупы нашли в разных местах деревни, один даже за околицей, да вы и сами это знаете, если расспросили местных. Я увидел пятно свежей крови сразу за кладбищенской оградой, на нетронutom снегу. Кровь словно капнула с дерева, но на дереве не было ни упыря, ни дупла, в котором он мог бы скрываться днем.
- Это была человеческая кровь?
- Да, у меня есть специальный амулет для таких случаев. Пятно выглядело так, словно упырь перепил и срыгнул часть крови, чтобы облегчить полет.
- Вполне вероятно. А ночью вы не заметили ничего подозрительного?
- Нет, ничего. Как я мог заснуть?!
- А вы помните, как засыпали?
- Нет... впрочем... сон накатил очень быстро, можно сказать, внезапно.
- Спасибо, теперь у меня есть хоть какая зацепка... О леший! Там же Навара!!!

* * *

Наспех одевшись, я с пылающим факелом в руке ворва-

лась на кладбище.

Меня поразила стоящая там тишина. Я всегда считала себя выше суеверий, но тут мне показалось, что на могильных плитах как-то подозрительно мало снега – а ну как отъедут со скрипом в стороны да как вынырнут из земли костлявые ручечки в обрывках белого савана?!

– Эй, Навара! – заорала я что есть мочи.

У ямы, не слишком выросшей со времени последней инспекции, никого не было. Только торчал из сугроба черенок лопаты. На всякий случай убедившись, что в сугробе никого нет, я растерянно огляделась по сторонам.

– Навара! Где вы? Вот леший...

– Ну здесь я, – неприязненно отозвалась серая тень, выходя из-за дерева. – Неужели вы думали, что я ночь напролет буду заниматься раскопками исключительно ради пламенной любви к труду?

– А я думала, что тунеядство и мороз – вещи несовместимые, – парировала я, подавляя облегченный вздох.

– У меня есть чем погреться. – Навара продемонстрировал мне плоскую фляжку и, свинтив колпачок, отхлебнул пару глотков. – Все ходите, контролируете? А может, сами хотите покопать? Уверяю вас, это интереснейшее занятие.

– Глядя на вас, что-то не верится.

– Чем же в таком случае вызван столь поздний визит?

– Я за вас беспокоилась.

– Надо же... с чего вдруг такая трогательная забота о гнус-

ном сплетнике?

– Кажется, я догадалась, кто такой этот таинственный упырь.

– Боюсь, мне придется вас разочаровать. Это не я. Честное слово.

– Как это ни печально, но я вам верю. – Краем глаза я заметила размытое движение между стволами деревьев. Резко обернулась, прочертив факелом алую дугу.

– Нервишки пошаливают, госпожа ведьма? – сердобольно осведомился Навара.

Не отвечая, я напряженно всматривалась в темноту. Снег фосфоресцировал в лунном свете, на его фоне стволы деревьев казались черными трещинами.

– Вы что-то видите? – В голосе Навары уже не было насмешки, его правая рука привычно легла на рукоять ножа в притороченных к поясу ножнах.

– Нет. – Я перевела взгляд с дальних кустов... и вздрогнула от неожиданности.

Прямо передо мною, в каких-нибудь пяти локтях, на наверхшии могильного камня сидело, нахохлившись, существо размером с петуха. За камень оно цеплялось задними толстыми короткими совиными лапами; передние лапки, тоненькие, с длинными скрюченными пальцами, свободно болтались вдоль тела, не доставая до опоры. Голова на длинной шее напоминала аистиную – плоский лоб, длинный узкий клюв. Тело существа, за исключением кожистых кры-

льев, сверху донизу покрывала шипастая чешуя, на спине переходящая в прилизанный гребень.

Поймав мой взгляд, тварь возмущенно приоткрыла клюв, по всей длине усаженный мелкими острыми зубами. Звука я не услышала, но знала, что он есть и что означает. Выбросив руку в защитном жесте, я поняла (не почувствовала), что все равно оседаю в снег – мгновенное забытье смягчилось до сильного головокружения и слабости в ногах.

Внезапно тварь пошатнулась, взмахнула крыльями и, неловко соскользнув с надгробия, метнулась вбок и вверх, пропав из поля зрения.

Сонная пелена перед глазами рассеялась. Обернувшись, я увидела, как Навара опускает руку.

– Чем вы в нее запустили?

– Девичьими слезами. Вместе со склянкой. Полагаю, теперь вы убедились в их чудодейственной силе?

– Да уж!

– Что это было?

– Й'инайти. Мелкая гарпия.

– Мелочь, а неприятно, – заметил Навара. – И что от нее можно ожидать?

Он как раз наклонился за лопатой, когда й'инайти, внезапно вынырнув из темноты, упала ему на загривок. Навара завертелся волчком, пытаясь сбросить тварь, звучно хлопавшую кожистыми крыльями. Клацанье зубастого клюва над самым ухом лишило Навару как душевного, так и физи-

ческого равновесия – поскользнувшись, он упал и несколько раз перекатился по обледеневшей дорожке. Подмятая хищница издала пронзительный крик, больше напоминавший скрип несмазанной калитки, и разжала когти. Прежде чем Навара успел протянуть руку к валявшейся рядом лопате, й'инайти отскочила в сторону. Подпрыгивая, заковыляла в темноту и, по всей видимости, взлетела – я услышала удаляющееся хлопанье крыльев над головой.

– С-с-скотина! – вырвалось у Навары. – Хорошо, кольчуга под горло...

– Что ж вы ее не схватили?!

– Эту пасть с крыльями? Увольте. Когда вы в следующий раз науськаете меня на упыря, будьте добры избрать в качестве орудия железный сачок.

– Я бы схватила, – проворчала я, в душе признавая его правоту.

– Думаю, у вас еще будет шанс. Сомневаюсь, что мы навсегда лишились приятного общества сей нимфы беспробудного сна, жертвой коего пал несчастный Ревер. Кстати, почему она его не тронула? Да и нас сначала пыталась усыпить, а уж когда не вышло...

Перед моими глазами всплыла гравюра из фолианта «Нежить».

– Потому что й'инайти никогда не убивает вблизи своего гнезда.

Навара отнесся к моему заявлению весьма скептически:

– Она еще и гнезда умеет вить? Как ворона? Мало того, что вы заставили меня весь день копать упыря, так теперь еще предлагаете всю ночь лазать по деревьям? Или, может, поручите заняться лесоповалом?

– Я вам ничего еще не предлагала. Можете вообще идти домой. Я вас прощаю.

– Нет уж, госпожа ведьма, теперь моя очередь отравлять вам жизнь.

Я вздохнула:

– Лучше бы посоветовали что дельное.

– Для начала потушите свой факел. Ночь лунная, а вы только выдаете наше местонахождение. Да и сами из-за него ничего дальше пяти локтей не видите.

Я послушно окунула факел в сугроб. Обиженно зашипев, он угас. Навара оказался прав, глаза быстро привыкли к лунному свету, достаточно яркому, чтобы разглядеть темные пятна гнезд в кронах деревьев.

– Думаете, одно из них? – задумчиво поинтересовался Навара.

– Скорей всего. Вы умеете стрелять из лука?

– Нет.

– Тоже мне рыцарь!

– Вот именно, рыцарь, а не бродяга-эльф. Кстати, у вас должно быть куда более разрушительное орудие дальнего боя – как их там, пульсары, что ли? Такие светящиеся взрывающиеся шарики, которыми дружески обмениваются боевые маги, прячась за спинами у заранее предназначенной на убой пехоты.

– Вы что, там же вороны спят! Предлагаете заживо изжарить ни в чем не повинных птиц?!

– Тоже мне ведьма!

– Вот что, Навара, валите-ка отсюда. Людьми, как вы точно подметили и не замедлили сообщить всем встречным-поперечным, я дорожу куда меньше птиц.

Навара догадался, что перегнул палку, и пошел на попятный.

– Будет вам, госпожа ведьма, обменялись любезностями – и хватит. Давайте заключим временное перемирие. Я, несмотря на мои явные недостатки, лежачих не бью, особенно когда противник подставляет под удар не спину, а совсем иную анатомическую область. Слегка отшлепать непутевого – это завсегда и с удовольствием, а бить – увольте, несолидно.

– Ничего я вам не подставляю!

– Так подставьте.

– Что?

– А как иначе я смогу посадить вас на дерево?

– Меня?!

– У вас есть другие варианты?

Я немного остыла. Лазать по деревьям я умела, а большая часть гнезд располагалась на тонких веточках, чересчур хрупких для поддержания упитанного мужчины в не менее увесистой кольчуге.

– Нет. Но двадцать берез я не осилю.

– И не надо. Вон оно. – Навара показал на березы-двойняшки, росшие из одного корня. На одной из них, той, что перевешивалась через кладбищенскую ограду, было три гнезда, на второй – не меньше десятка.

– С чего вы взяли?

– Это все вороны. Еще днем я обратил внимание, что они старательно избегают наклонной березы, прямо-таки шарохаются от нее – подлетят поближе и отворачивают.

– Так вы ворон считали, вместо того чтобы копать? – Я не удержалась, подпустила-таки шпильку.

– Если бы ваш неиссякаемый сарказм был равен вашему профессионализму, то нам не пришлось бы коротать ночь в компании враг врага. Может, все-таки используете пульсар?

– Я полезу, – решила я. – Так оно вернее будет. Подставляйте спину!

– Левитировать, как я догадываюсь, вы тоже не умеете?

– Ночью?! Я похожа на некроманта?

– А на что вы вообще способны?

– Писать мемуары, – ядовито сказала я и полезла Наваре

на спину.

– Поаккуратнее... что вы там отплясываете, как горная коза?

– У вас кольчуга скользкая.

– Так перебирайтесь на плечи, я выпрямлюсь! Ох...

– Что?

– Радикулит прихватил.

– Так вам и надо!

– Ну и вредина же ты! Становись ко мне на ладони.

– А ты оставь в покое мою... бедра.

Наклон березы играл мне на руку, а добравшись до сучьев, я и вовсе осмелела.

Первое гнездо оказалось пустым, лишь на дне белел обломок скорлупы. Два других находились у самой верхушки, почти рядом. Я посмотрела вниз. Хорошо, что было темно – не так ощущалась высота.

Собравшись с духом, я продолжила нелегкий путь к вершине. Ветер, о наличии которого я даже не подозревала, сосредоточенно и непрерывно выписывал березовой макушкой правильную букву «О». И как вороны яйца выдерживают эту болтанку?

Гнезда находились уже на расстоянии вытянутой руки, когда й'инайти вспомнила о своем материнском долге и разъяренной фурией вырвалась из клубка омелы на сестринском березовом стволе. Хлопанье крыльев и треск ломающихся веточек вовремя предупредили меня о нападении. Я успе-

ла прижаться к стволу, и гарпия на бреющем полете пронеслась над моей спиной, чиркнув когтями по куртке. Эффектно развернувшись на фоне луны, она пошла на второй круг. На сей раз я прибегла к безотказному средству – завизжала ей в пасть, стараясь взять как можно более высокую ноту. Й'инайти отшвырнуло в сторону, Навара зажал уши, в деревне зашлись лаем собаки.

Отыгранные мною секунды решили исход поединка. Оседлав ближайший сук, я высвободила одну руку и третью атаку гарпии встретила во всеоружии.

Й'инайти пылающим клубком кувыркнулась в воздухе и, упав на землю, еще долго казалась яркой точкой с высоты моего шаткого насеста. Я зачарованно следила за огоньком, пока он не погас.

Поравнявшись с гнездами, я убедилась, что Навара был прав. В левом лежал вороний скелет, в правом – три темных шара правильной формы, каждое размером с мой кулак. Когда я протянула к ним руку, самое крупное «яйцо» треснуло и из него, как улитка из раковины, поползла бесформенная амебоподобная масса. Не дожидаясь появления ее братиков и сестричек, я столкнула гнездо вниз. Уже в полете оно вспыхнуло и рассыпалось искрами, настигнутое боевым пульсаром.

– Точно в яблочко! – донесся до меня одобрительный возглас Навары. – Вы не так уж безнадежны, госпожа ведьма!

– Ха, вы меня еще не зна...

Попытка нашарить ногой нижнюю ветку обернулась провалом, на руках я удержаться не смогла и камнем полетела вниз.

* * *

Мне показалось, что прошли века свободного полета, прежде чем я довольно сильно ударила спиной обо что-то жесткое и сообразила – можно открыть глаза.

Навара продолжал сжимать меня в руках, даже лежа на спине в сугробе.

– Хорошо ловите, господин рыцарь.

– Хорошо падаете, госпожа ведьма. Может, вы все-таки встанете со своего покорного слуги?

– Спасибо.

– Я не ослышался? Вы меня поблагодарили?! Или это очередное проявление вашего своеобразного чувства юмора?

Я неловко поднялась, массируя ушибленный локоть:

– Навара, вас даже благодарить противно. Вы способны задушить самый благородный порыв.

– И это говорит ведьма, чья прихоть выставила меня идиотом перед целой деревней?

– Еще не выставила.

– Неужели?! – скептически хмыкнул Навара.

– Да, у нас еще есть время сочинить леденящую душу историю об откопанном упыре, девичьих слезах, отважном ры-

царе и могучей ведьме. А затем с чистой совестью поделить обещанные двадцать кладней.

– Если вы думаете снискать этой жалкой суммой мое прощение, то вы глубоко заблуждаетесь, госпожа ведьма, – с величественным презрением заявил Навара.

Но деньги взял.

* * *

Как ни странно, никаких репрессий со стороны Навары не последовало. Впоследствии мы не раз встречались в селениях и на трактах, всегда случайно, обменивались вежливыми кивками, перебрасывались парой ничего не значащих слов и расходились в разные стороны, не упоминая друг о друге ни хорошо, ни плохо.

В конце концов, некоторые люди тратят всю жизнь на то, чтобы найти достойного противника.

Факт взаимного существования приносил нам обоим несказанное удовлетворение.

Рой

Скучная пора – осень. Красивая, сытная, но – скучная. Работы почти никакой: ссыпанному в амбары урожаю не страшны дожди и засухи, летние хвори миновали, а зимние еще не подоспели, нечисть, если где и водилась, за лето отъелась и поутихла. Зимой, конечно, она снова оголодает и вернется, но, увы, осторожные крестьяне предпочитают не будить лихо, пока оно тихо.

Не сказать чтобы мне тоже особенно хотелось коротать ночи в каком-нибудь сомнительном овраге, в придачу к гонорару зарабатывая насморк под мелким, но неотвязным осенним дождем. Удивительное дело: теплая и сухая погода может стоять неделями, пока в один прекрасный день мне не подвернется работа на свежем воздухе, а там уж все к моим услугам: дождь, град, внезапный заморозок или ураганный ветер, отклоняющий заклинания.

Денек выдался погожий, с утра небо не омрачало ни единой тучки. Лошадка неторопливо трусила по едва приметной полевой тропке, я, расстегнув кожаную куртку, обмахивалась берестяным свитком-объявлением, сорванным с придорожного дерева, и очень надеялась, что место «свадебного колдуна» еще не занято. Беспokoилась я, скорее всего, напрасно – вряд ли кому-нибудь еще из дипломированных магов взбрдет в голову шляться по глухим деревням в поисках

работы, а местные знахари-самоучки мне не конкуренты.

Смолкины копыта гулко застучали по дощатому мостику, перекинутому через узкую, наполовину заросшую тростником речушку. Н-да, обидно будет упустить такую работу: с утра до вечера сиди себе за свадебным столом, ешь и пей вволю, усиленно делая вид, будто оберегаешь молодых от порчи. А в конце застолья не помешает проникновенно так, устало намекнуть свежеиспеченному тестю или свекру (смотря кто платит), что только благодаря твоим титаническим усилиям молодые не скончались в первую же брачную ночь от безуспешных происков нечистых сил.

С горбинки мостика уже просматривалось село – десятка три ухоженных домиков, крытых свежей соломкой. Издалека бросались в глаза спелые тыквы в бороздках перепаханных полей. А еще дальше, за домами, полями и холмами, у самого леса ярким солнечным пятном подменяла луговую траву спелая пшеница.

Я даже остановилась и приподнялась на стременах. Нет, не померещилось. Небольшое, круглое поле, играющее золотыми бликами. И ни одной полегшей плешинки, несмотря на довольно капризное, ветренное и дождливое лето. Интересно, кому это взбрело в голову расчищать и засеять поле так далеко от жилья? Дураку ясно, что большая часть урожая достанется зайцам, кабанам и птицам. К тому же все рачительные хозяева давным-давно сжали колосья, обмолотили зерно и сметали пустую солому в стога.

– Что скажешь, подруга?

Смолка, заядлая потравщица беспризорных злаков, одобрительно всхрапнула и тут же боязливо прижала уши. Слух у моей лошадки тоньше упыриного, не слышит она только моих гневных окриков и понуканий, зато способна за десятки верст отличить волчий вой от собачьего и вывезти меня к селению, одному-единственному на бездорожную, лесистую округу. Но внезапную тишину мы распробовали одновременно. Кормившиеся на реке утки забились в тростник, примолкли кузнечики, оставив нас наедине с недобрый шелестом травы.

Я обеспокоенно покрутила головой. Долго теряться в догадках не пришлось – со стороны деревни на нас надвигалась маленькая, но очень несимпатичная тучка, сопровождаемая ровным зловещим гулом.

– Не ерунди, Смолка, – преувеличенно бодро сказала я, на всякий случай застегивая куртку и пряча руки в карманы. – Это всего лишь рой. Он нас не тронет.

Ничуть не убежденная, лошадка пригнула голову, недоверчиво косясь на небо. Рой шел высоко, от основного клуба тянулся мутный заостренный хвост. Гул постепенно нарастал, пульсируя в висках. Очень неприятный, угнетающий звук, даже если знаешь, что роящимся пчелам нет никакого дела до замершей внизу жизни, им лишь бы благополучно довести матку до загодя присмотренного улья или дупла.

И все-таки что-то мне в них не понравилось. От деревни

рой летел быстро, а над нами завис, словно присматриваясь. Или прицеливаясь. Кобыла нервно заплясала на месте, выбивая дробь на досках. С трудом удерживаясь в седле, я попыталась отпугнуть надоедливых тварей дымом, но они не сообразовали выслушать заклинание до конца, восприняв его как сигнал к атаке. Левую щеку обожгло болью, и в тот же миг Смолка, не раздумывая, боком скакнула через поручень моста.

Несмотря на неказистые берега, речушка оказалась довольно глубокой, а вода, накрывшая меня с головой, – холодной и затхлой. К счастью, мне хватило самообладания не выпутывать ног из стремян, а, напротив, прижаться к лошади, обхватив ее руками за шею. Смолка плавала, как рыба, то есть проворно и глубоко под водой, подолгу обходясь без воздуха. Я зажмурила глаза, стараясь не думать о вдохе и всем телом ощущая встречное сопротивление воды, запускающей щупальца за ворот куртки.

Мы вынырнули ниже по течению, в самой гуще тростника. Он предательски затрещал, раздвигаясь, но, к счастью, пчелам и в голову не пришло искать нас в ста локтях от моста. Мутная вода скрыла наше позорное бегство, и они были уверены, что рано или поздно мы объявимся на прежнем месте и веселье продолжится.

В ужаленной щеке ворочались раскаленные клещи. Меня и прежде кусали пчелы, но я то ли забыла, как это больно, то ли проклятая тварь впрыснула мне тройную дозу яда чем-

то вроде зазубренного штопора. Со временем боль не утихла, отдаваясь в шею и висок. Заговаривать ее по горячим следам я не решилась, подозревая, что пчел разозлила именно магия. Впрочем, ее чувствуют многие животные, но чаще без оглядки бросаются наутек, не желая связываться с магами.

Тут я заметила нечто совсем уж странное: рой больше не клубился вокруг матки, он растянулся вниз и вширь частой сетью, преисполненный решимости не выпускать нас из воды. Несколько десятков пчел дымной струйкой скользнули под мост, долго там копошились, лавируя между тростинками у самой воды, потом вылетели с другой стороны и расселись на поручнях.

Смолка, не удержавшись, фыркнула, прочищая ноздри. Сеть всколыхнулась и распалась на клочья, но звук потревожил не только пчел – из камышей рядом с нами вырвалась жирная утка и с душераздирающим криком побежала по воде, что есть мочи работая крыльями.

Пчелы не обратили на нее ни малейшего внимания. Снова сбившись в клуб и для верности описав круг почета над мостом, они с явным сожалением поверили в нашу бесславную кончину и полетели... обратно, в сторону села. Как дворовые псы, выскочившие навстречу чужаку, разорвавшие его в клочья и с чувством выполненного долга вернувшиеся в будку.

Вот только что за хозяин их науськал?

В село я въехала мокрая до нитки, замерзшая и злая.левой половины лица я не чувствовала, зато видела – опухшая щека выдвинулась дальше носа, глаз заплыл, даже с языком творилось что-то неладное, он с трудом поворачивался во рту, коверкая слова. Выжатая куртка смахивала на пожеванную, с носов сапог размеренно капало.

«Медовки», – гласила шильда при въезде. Надписи «Осторожно, злые пчелы!» я рядом не заметила. На ближайшем к околице заборе сидел патлатый мальчишка лет десяти и, забыв о недоструганной палочке, пялился на меня с открытым ртом.

– Фде шуш у ваш швадьба? – угрюмо поинтересовалась я, придерживая щеку.

Мальчишка, не отвечая, кубарем скатился с забора и что есть духу припустил по улице, шмыгнув в одну из дальних калиток. Я терпеливо ждала, любуясь яблонями в соседнем саду. Урожай впечатлял, подпертые рогатинами ветви едва выдерживали вес зреющих плодов.

В противоположном конце улицы начал скапливаться народ. Бабы любопытно тянули шеи из-за заборов, мужики глухо перешептывались, очень неласково поглядывая в мою сторону. Некоторые держали в руках вилы.

Я чуть сжала колени, и Смолка понятливо пошла вперед.

Шепот стих, селяне боязливо сбились в кучу, поудобнее перехватывая сельхозорудия.

– Жаштвуйте, увашаемые! – громко сказала я. – В шем шело? Швадьба отменяетша?

– Ась? – растерянно уточнил крепко сбитый, чернобородый мужик лет сорока.

– Во, я же говорил! – сбивчиво затараторил давешний мальчишка, дергая его за рукав. – Вылитая ведьма, и бормочет не по-людски – порчу, поди, наводит!

– Ну, вещма, – нетерпеливо согласилась я, – и што ш того? Вшя моя порша вашим пшелам в подметки не годишша!

Кое-кто, разобрав, захихикал. Обстановка разрядилась, мужик отвесил мальчишке затрещину:

– Всполошил людей зазря, дурень эдакий! Вы уж не серчайте, госпожа ведьма, но видок у вас – краше в гроб кладут, немудрено перетрухнуть.

– Шама жнаю, – проворчала я, спешиваясь, – ваше?

Мужик недоверчиво поглядел на пергамент, потом на меня.

– Вы... это... эээ... серьезно?

– Ш утра – да, шейшаш – вжад ли, – честно призналась я, отлично понимая, что моя теперешняя внешность располагает скорее к поминкам, нежели к свадьбам. Подворачивалась мне и такая работенка – когда родственники не были уверены в благонадежности покойника. – Хоша бы переносевать пуштите – и ладно. Я жаплашу.

Но мужик не торопился с отказом. Добродушно ухмыляясь в густые усы, он скомкал пергамент и протянул мне широкую мозолистую ладонь:

– Ежели не передумали и беретесь – добро. Меня Олупом зовут, я в Медовках навроде старосты. Завтра дочку свою старшую, Паратию, замуж отдаю, без колдуна ну никак. Знатное гульбище намечается, всех сельчан пригласил и столько же из окрестных селений съедется, так что работы невпроворот. Переночуете у соседа моего, я договорюсь, в порядок себя приведете, а завтра с самого утра к выкупу подходите. Потом венчальный обряд, само собой, дайн приедет, вы ему не шибко глаза мозолите, лады? Ну и за столом, сталбыть. Хотя бы до вечера в трезвости продержитесь, а там уж самой распоследней нечисти не до сглаза будет. Заплачу три кладня, серебром или золотом, как захотите. Еды со стола впрок наберете – все равно не съедим, придется свиньям выкидывать... Ну так как? Согласны?

– По жукам, – кособоко улыбнулась я, присоединяясь к рукопожатию.

* * *

Переодевшись и высушив голову, я занялась щекой. Время было упущено, мне удалось кое-как унять боль, но опухоль спадать не торопилась. Хорошо хоть язык перестал заплетаться. Никакого смертельного яда в месте укуса я не об-

наружила, зато, к немалому удивлению, вытащила из щеки глубоко засевшую пшеничную ость. Обычно такие тонкие и длинные занозы загибаются под кожей и дальше не идут, эта же пробила щеку насквозь. Видимо, я обзавелась ею в тростнике, где оседает половина плывущего по реке сора, в том числе летящая с веялки мякина.

Сосед Олупа, он же брат, хмурый не улыбочивый бобыль, молча выставил на стол горшок со щами, кивнул мне на лавку у печи, а сам полез на полати. Время и впрямь было позднее, начинало смеркаться, но я все-таки решила прогуляться по селу и разведать обстановку. Компанию мне составил Олуп, изгнанный из собственной избы на время девичника, – мужик уныло слонялся взад-вперед по единственной улочке, запахнувшись в кожух.

– А, госпожа ведьма! – обрадовался он. – Как ваше здоровьичко?

Я неопределенно пожалала плечами. Лицо говорило само за себя.

– Скажите, в вашем селе кто-нибудь держит пчел?

– Да почитай все – у меня одного полторы дюжины колод в саду стоит, – простодушно похвалился Олуп, – луга-то эвон какие широкие, разнотравные, с весны до осени цветут, без меда ни разу еще не оставались; бывало, зимой после неурожая им одним и кормились. А сады-то как с пасеками роят, каждый цветок завязь дает!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.